

Из дневника 1956 года

Р. Г. Назиров

Мы продолжаем совместную с интернет-проектом «Прожито» (prozhito.org) публикацию дневников Р. Г. Назирова.

1956

Zsigmond Kisfaludi-Strobl.

В конце 1955 года в Москве и Ленинграде экспонировались работы венгерского скульптора Жигмонда Штробля, отличающиеся большим разнообразием, охватывающие различные периоды творчества, сюжеты и методы трактовки. Штробль обладает крупным талантом для выражение в пластической форме элементов человеческой красоты.

Искусство Штробля полно лучезарного и здорового оптимизма. Его искусное и уверенное прикосновение даёт жизнь любому материалу — мрамору или дереву, передавая улыбку ребёнка, лёгкую грацию танца, силу или мускульное напряжение атлета.

Это можно увидеть в бронзовой фигуре «Ad Astra»: юноша, едва ступающий по земле, с головой и руками, отброшенными назад, словно воплощает стремление, влекущее Человека к неведомым высотам, к звёздам. Или «Упрямый мальчик».

Ребёнок не слушается своей матери. Маленькое тело мальчика напряжено, но он слишком юн, чтобы иметь собственное мнение. Фигуры матери и ребёнка в высшей степени правдивы и безыскусственны.

Жигмонд Штробль никогда не впадает в натурализм, он отбрасывает лишние детали, концентрирует существенное и ограничивает власть экспрессии границами сдержанной композиции, свободной от ненужной запутанности.

В 1919 году была отлита большая бронзовая фигура обнажённого «Стрелка из лука.»

Штробль писал:

Памятники увлекают меня потому, что они создаются для общества. Но я люблю, с другой стороны, и портрет за то, что в нём в наибольшей степени раскрывается жизнь и ближе всего подходишь к человеку. . .

Венгерский скульптор Жигмонд Кшифалуди-Штробль родился 1 июля 1884 года. Этот художник обладает большой энергией и большим оптимизмом. Он создал немало памятников, украшающих венгерские города и прежде всего улицы и площади Будапешта. Уже в 1911 г., когда скульптору было 27 лет, в городе Сентеш был установлен памятник его работы историку Михаю Хорвату. В одном из парков Будапешта находится созданная Штроблем бронзовая нагая фигура стрелка из лука, полная мощи и динамики. В один из красивых

архитектурных ансамблей венгерской столицы удачно включён памятник герою освободительной борьбы 1848 года Лайошу Кошуту.

Среди подарков, которые венгры прислали в 1949 году Сталину, находился четырёхфигурный «Монумент благодарности» работы Кишфалуди-Штробля, а также в высшей степени выразительная голова поэта Шандора Петефи.

Но самый выдающийся монумент, созданный скульптором, — это памятник советским воинам, погибшим за свободу Венгрии. Высоко над Будапештом, на горе Геллерт, возвышается обелиск, примыкающий к стенам древней цитадели и завершающий холм. Обелиск венчает величественная женская фигура из бронзы, высотой в 14 метров, с поднятой над головой пальмовой ветвью, символом мира. У подножия обелиска, в центре монумента — фигура советского воина, а по бокам — две группы символизирующие борьбу с фашизмом. Народ называет этот прославленный памятник «Статуей Свободы.»

В композициях 50-х годов Штробль создаёт образы людей новой Венгрии («Колесо снова движется», «Каменщики», «Вальцовщик» и др.) Незадолго до своего 70-летия скульптор закончил статую Ференца Ракоци, знаменитого патриота, вождя «куруцов» («восставших крестьян»), возглавившего в начале 18 в. борьбу против Габсбургов. Художник изобразил Ференца Ракоци темпераментным, волевым вождём народных масс.

Кишфалуди-Штробль является одним из лучших скульпторов-портретистов нашего века. Один из выдающихся портретных бюстов художника — его «Бернард Шоу». Бюст Шоу не только очень удачно передаёт внешние черты сатирика, но говорит о внутренней зоркости душевно чуткого человека. Знаменитый писатель был весьма удовлетворён этим портретом и написал несколько строк, выражающих его отношение к портретному мастерству Штробля. Шоу писал, что видит в искусстве Кишфалуди-Штробля «возрождение классики», хотя скульптор и не копирует «греческих очертаний».

На 4-й всевенгерской выставке 1954 года Кишфалуди-Штробль выставил превосходный бюст художника Лайоша Кунфи.

Штробль является профессором высшей школы изобразительных искусств в Будапеште. Он награждён премией Кошута

Bernard Shaw сказал в 1935 году о своём портрете работы Кишфалуди-Штробля:

The bust of myself which is before you in this exhibition is not only recognizable as what I look like: it is also what I ought to look like and what I should like to look like. Perhaps I shall some day, if I contemplate it with sufficient intensity. At all events, let posterity imagine me just so.

Кризис

16 января. Понедельник. Вот и новый год, а чего нового? Мутное настроение. Из каких факторов оно сложилось? Попробуем разобраться.

1) Иван Владимирович Сотников вернул мне мой рассказ (и правильно сделал, между нами, девочками, говоря).

2) Новый год я встречал у Вити, пил очень мало, был совершенно трезв, был один. Мне давно уже понравилась одна первокурсница с нашего литфака, Римма Нестирович, она приехала в Уфу из Молдавии. Я танцевал с ней на одном из институтских вечеров, но как-то не получилось у меня — не сумел пригласить её на Новый год. Поэтому я был у Вити очень зол и раздражён, но из духа противоречия с самим собой веселился и веселил всю компанию. Научился-таки немного владеть собой. Словом, мне тревожно и смутно из-за моего холостяцкого, одинокого положения.

3) В институте неприятности. Многие преподаватели мною недовольны. Я не могу готовиться сразу ко всем практическим занятиям, т.к. программа у нас перегружена, а я не умею работать кое-как: если я сажусь за работу, то работаю всерьёз. Программа заставляет разбрасывать силы на всякую ерунду. 2–3 недели ноября я лез из кожи, чтобы везде успеть, потом озлобился и махнул рукой.

4) Плохо продвигается моя повесть. Написал 4 главы и застрял на V-й, а по плану их четырнадцать. Хочу сделать до 1 мая, но явно не успею.

5) Ближе экзамены, а я никак не могу приняться за штурм.

6) Наконец, я избран председателем НСО института, ничего не делаю и терплю адские угрызения совести, по двадцать раз на дню пробегаю мимо своего фото на доске почёта.

Словом, всё это частные причины, а общую я так и не могу усмотреть. Чувствую острую неудовлетворённость собой; меня мучит продолжающееся расхождение между мечтой и делом, презираю себя за собственное безволие, и ко всему примешивается глухо тлеющая какая-то гнилая злоба на окружающих. Проклятая неопределённость моего положения! Я по временам не знаю, что мне нужно, в какую точку нужно бить. Словом, заедает обломовщина, но обломовщина вместе с желчью на самого себя. Проклятие! Сижу и пишу, вместо того, чтобы делать дело. Какое дело?

21 января. В этом году я получаю новую газету «Moscow News», на английском языке. Газета рассчитана на заграницу, в ней много интересного. К этому интересному относится и небольшая статья о выставке Жигмонда Кишфалуди-Штроба в Москве и Ленинграде. В 4 номере газеты напечатан на 7-ой странице подвал: «Moscow Sees French Art.» Статью сопровождает фото: группа посетителей в одном из залов выставки осматривает родэновского «Мыслителя», Rodin's Thinker. Что представляет собой эта выставка? Попробую скомпилировать из «Moscow News» и из «Огонька».

В залах Московского Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина открылась выставка французской живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства 15–20 веков. Советская коллекция французского искусства — лучшая из находящихся вне Франции, утверждает «Moscow News». Различные советские музеи прислали на выставку свои экспонаты. Эта выставка самая полная и самая крупная из проводившихся до сих пор. Никогда до сих пор не выставлялись некоторые древние манускрипты, датированные от 14 до 16 века, с цветными рисунками изумительного мастерства. Один

из них принадлежал шотландской королеве Марии Стюарт; на нём есть несколько строк стихов и посвящение, написанные её собственной рукой.

К XVII веку относится «Семейство молочницы» Луи Лепена, картина поэтическая и правдивая, проникнутая глубоким уважением художника к людям из народа. В отдельном зале выставки собраны картины «гениального» Пуссена (статейку в «Огоньке» подписала А. Абрамова — ? не знаю), the works of Nicolas Poussin. В числе его «величавых полотен» — знаменитые на весь мир «Танкред и Эрминия», «Ринальдо и Армида.» В газете пишут «Tancrede et Herminie», a picture based on Torquato Tasso's poem «Jerusalemme Liberata», is the centre of attraction.» Далее перевожу на русский язык: «Пуссен, основатель Французской классической школы, пользовался своим великим талантом, чтобы влиять на душу зрителя и будить его моральные чувства. Строгие и героические характеры в «Tancrede et Herminie» прославляют такую любовь, которая даёт герою силу для совершения подвига. Моральная и духовная красота, лиричность образа Эрминии производят неодолимое впечатление.»

Небольшая картина Антуана Ватто «Капризница» великолепна по живописи. В ней весь Ватто, умный, слегка насмешливый наблюдатель, умеющий уловить тончайшие оттенки в отношениях между людьми. Живопись 18 в. представлена почти всеми крупнейшими мастерами эпохи, которая оживает в этих залах со своими обычаями, вкусами, модами, с борьбой различных мировоззрений. Среди этих мастеров мы находим Франсуа Буше с его знаменитым «Поцелуем» (ornamental Francois Boucher, always thoughtless and playful — всегда бездумный и игривый: «Pastorale», «Hercule et Omphale»); прелестные небольшие жанры Шардена, рассказывающие о жизни скромных и трудолюбивых людей (modest and frank Jean Chardin with his wealth of poetical feeling: «La Blanchisseuse», La Benedicte»); наблюдательный и остроумный Фрагонар, очарование которого заключается в его непринужденной грации (Jean Honore Fragonard, «Le baiser gagne» «Le baiser a la derobee»); сентиментальный и назидательный «Паралитик (Le Paralytique)» Грёза: в газете «Moscow News» говорится о его «the declaratory moral». Восемнадцатое столетие замыкает Давид, глава революционного классицизма во Франции: «Andromache pleurant Hector» фыва — гражданский пафос, суровая скорбь в сочетании с патриотическим чувством.

Блестящим портретистом Энгром написан портрет графа Гурьева. Два крупнейших представителя французского прогрессивного романтизма — Жерико и Делакруа — тоже представлены на выставке: Жерико «Этюд натурщика» и Делакруа «Львиная охота в Марокко». Достаточно полно представлено творчество художника-демократа Оноре Домье.

Выставка распланирована таким образом, что публика может проследить развитие французского пейзажа от Пуссена и Лоррена до Барбизонской школы (Th. Rousseau, Dupre, Daubigny) и импрессионистов (Claude Monet, C. Pissaro, A. Sisley). Барбизонская школа и импрессионисты представлены очень богато. В зале импрессионистов выделяется Auguste Renoir — «Portrait de Mademoiselle Samary» и «Femme nue». [Мадмуазель Самари я видел в Эрмитаже, это большой, в полный рост портрет одной актрисы, написанный пятныш-

ками, мелкими мазками; *Femme nue* — это московская картина, знаменитая натурщица парижских ателье, прозванная *la belle Anna*; я видел хорошие репродукции — мягкое, пышное тело, широкие бёдра, почти осязаемая плоть — синие глаза, между прочим; вообще Ренуар мне нравится, особенно «Девушки в чёрном», наша картина тоже Музея им. Пушкина]. Писсаро «*Le Boulevard Montmartre a Paris*» и «*Avenue de l'Opera*», Монэ «*Une Dame dans le jardin*» и «*Boulevard des Capucines*».

Большой интерес представляют работы художников Cezanne, Gauguin и Matisse. «Признавая их талант, советские зрители отмечают также их недостатки, такие, как ограниченный и условный взгляд, который мешает выявлению всей полноты их художественных образов». Ранние картины Пабло Пикассо («голубой Пикассо», как называют знатоки его первый период творчества) привлекают публику своим гуманным отношением к простому человеку и его судьбе («*Les deux saltimbanques*», «*Les rendez-vous*»). Умышленно искажая формы и нарушая пропорции человеческого тела, Пикассо стремится подчеркнуть эмоциональность и психологизм его характеров, делает их воплощением безнадежности, отчаяния и моральной дегенерации.

Представлены и наши современники, представители «нового реализма»: Андре Фужерон и Борис Таслицкий. Фужерону принадлежит большое полотно «*Hommage a Andre Houillier*», дань восхищения героизму народа в борьбе за мир.

Коллекция скульптуры включает работы Колло Гудона, Бари, Фальконе, Родена, Майоля (Maillol).

Экспозицию выставки венчает плакат Пикассо «Голубь мира», выпущенный к I всемирному конгрессу сторонников мира в 1949 году. Этот плакат стал эмблемой борьбы за мир во всём мире. Пикассо теперь член компартии Франции, член Всемирного Совета Мира.

Выставку посетили Жорж Салль, директор музеев Франции, Андре Шастель, профессор Сорбонны и Роже Шаплен-Миди, журналист.

23 января. Эпиграмма, приписываемая Симонову, эпитафия на будущую могилу:

Под камнем сим лежит Серова,
Моя и многих верная жена.
О боже, не карай её сурово:
Она впервые спит одна.

Родители Гали Кирилловой, которая учится в одной группе со мной, ездили в Москву в декабре (новый год встречали в поезде). Они встретились в Москве с Эльвирой, говорят, что она похудела и немного подурнела. С мужем живёт очень счастливо. В зимнюю сессию сдала досрочно экзамены и уехала на каникулы к нему в г. Орджоникидзе, Ташкентской области, где он работает. Летом все собираются съехаться в Жданове: Эльвира, Леонид, родители — Киреевы. Берлявские живут в Жданове, но мать Эльвиры, Ида Петровна, кажется, её зовут по-прежнему страдает белокровием и ездит лечиться в Москву.

Берляевский — отец, который был уволен в отставку в эпоху великого гонения на израильтян, снова поступил на какую-то службу. Очень хотелось бы мне хоть одним глазком взглянуть на Эльвиру. Я не видел её с зимних студенческих каникул 1953 года, то есть три года.

25 января. Острые анекдоты на политические темы.

— *Лемешев и Козловский больше не поют Песнь Индийского гостя.*

— *Почему?*

— *Хрущёв исполняет.*

Правительство выразило недовольство тем, что в церквях теперь нет никаких молитв за здоровье иных, чтобы они относились к правящим лицам, как до революции. В Москве срочно собралась профсоюзная конференция попов, постановили ввести пять молитв в соответствующие дни:

За Владимира Мудрого (варианты)

За Иосифа Грозного Жестокого,

За Георгия Блаженного За Георгия Неудачника,

За Николая Угодика За Николая Миротворца,

За Никиту Кукурузника» За Никиту Хлебопашца.

Общественное мнение Москвы консервативно, оно недовольно тем, что Хрущёв и Булганин пошли в Каноссу к «дорогому товарищу Тито». Видимо, в этом вопросе тайно сочувствуют Молотову, и это неправильно: Хрущёв делает нужное дело («политика обхаживания малых стран», как говорят наши «друзья» на Западе). Булганина считают пешкой в руках Хрущёва. После величия и грозной славы сталинской эпохи Хрущёв выглядит слишком своим, домашним: небольшой, жизнерадостный полный бодрячок в украинской расшитой сорочке, круглой шляпе, с облупившимся от загара носом, с белым пухом вокруг лысой макушки, каким он был во время поездки по Индии. Шутит, острит, хвалит кукурузу, расписывает чудеса Алтая или Биробиджана, агитирует ехать на целину, рекомендует новосёлам плодить детей, по-хозяйски бранит архитекторов за чрезмерное украшательство: ведь экономить надо, мы не Рокфеллеры, у нас нет лишних денег; словом стремится понравиться народу. Может быть, это и несолидно, но главные его мероприятия, без сомнения, очень дельные. Целина, сельское хозяйство, гигантские электростанции и гигантские энергосистемы, возобновление дружеских связей с Югославией, нейтрализация Австрии, дипломатические отношения с Бонном, Индия, особенно Индия, Женева, особенно Женева переговоры с Японией, большая свобода в духовной жизни, в литературе (издания Есенина, Достоевского, гастроль «Эвримен-оперы» с их знаменитой «Порги и Бесс», переводы Сартра и Хемингуэя, «Иностранная литература», туризм и т.д.) — всё это заслуги всё тех же Николая и Никиты. Нет, они молодцы! Кстати Василию Семеновичу Гроссману (он же Иосиф Соломонович) дали-таки орден в связи с пятидесятилетием (Трудовое красное знамя).

Вот ещё один анекдот, нэпманский.

В Нью-Йоркском цирке в антрактах обычно ставится силовой аттракцион. Кладут под пресс лимон и потом предлагают желающим из публики выдавить из того, что осталось от лимона, хоть каплю сока: кому удастся — доллар.

Как-то раз повернули рукоятку на лишний оборот, лимон пережали. Никому не удалось выдавить хоть миллиграмм жидкости из расплющенного кусочка. Вдруг на арену выходит скромный невзрачный человек, берёт бывший лимон, слегка сдавливает, и сок бьёт струёй из его кулака.

К нему, конечно, тотчас бросаются репортёры: кто вы такой? Силача фотографируют Откуда же он взялся? — кто вы?

— Я фининспектор из Советской России.

Эпиграммы на Ермилова

1954 г.

Ермилов прав, не уставая повторять,
Что в Щедрине и Гоголе нуждается эпоха,
Но почему ему бы не сказать,
Что без Белинского эпохе тоже плохо.

1955 год.

Воздав хвалу посмертно одному,
Другому холку заживо намылив,
Стоит, как полагается ему,
Во весь свой рост В. В. Ермилов.

(«Дружеский шарж»: плюгавенький человечек выглядывает из-под самого края трибуны, далеко внизу под микрофоном).

Сергей Васильев. Биография одного маяковеда.

Сей дядя самых честных правил:
Пока поэт существовал,
Поэта дядя всюду хаял,
Теперь он хрипнет от похвал

(К стихотворению шарж: фигура маяковеда разделена вертикалью; левая половина свирепая, с оскаленными зубами, в руках огромная дубина, на ноге шпора; правая половина елейная, слюнявый рот, в руке кадило).

А вот подлинный случай. Наши учёные ездили за границу, в их числе химик Александр Топчиев, главный учёный секретарь Президиума Академии наук с 1949 года. Вернувшись в Москву и выступая где-то с отчётом, академик Топчиев сказал, что в Женеве их сфотографировали и в газетах написали под фотографией: «Русские покрыли центральную площадь

Женевы парусами своих штанов». (Таких брюк, какие у нас считаются приличными, в Европе теперь не носят). Топчиев заявил, что мы отстаём от моды, что нужно всё же следить и когда мы приезжаем в Европу, мы должны иметь европейский вид. Вообще мы начинаем линять после долгой зимней спячки, и старая шерсть сваливается с нас целыми кусками: мы вылезли из берлоги на белый свет.

Гонение на стилиг затихает, пресса бьёт отбой. Кумир французского кино, любимец советской публики Жерар Филипп, который гулял по Москве и целовался с комсомолками, заявил, если верить сплетням, что московские женщины редко бывают в парикмахерской. Нужно обкататься, обчиститься, навести лоск. Всё время мы «отстаём» и «нагоняем»: на этот раз, как будто, нагоняем всерьёз.

Кстати, об академиках: Хрущёв со страшной силой разнёс Несмеянова за плохую работу, сказал, что наша Академия отстала от заграницы в творческих работах на пять лет.

26 января. Хохма о бывшем министре культуре Александрове.

Александров написал мемуары в 6 томах. Тома озаглавлены следующим образом:

1. В звании сила. 2. Былое и дамы. 3. Хождение под мухой. 4. Моя половая жизнь в искусстве. 5. Совокупление и наказание. 6. За Анну по шею.

4 февраля. Клименту Ефремовичу Ворошилову сегодня исполнилось 75 лет, а мне двадцать два.

Читал в 12 номере «Нового мира» за 1955 год главы из новой монографии Ермилова о Достоевском. Да, Ермилов, ренегат, он снова сделал «ход конём», — своего рода тушинский перелёт. Бывший горячий поклонник Достоевского, он в годы закования объявил, что Достоевский стоит «по ту сторону баррикад», что он нам враг, отсюда вывод: не печатать его и не читать. Дошло до того, что однажды в Республиканской библиотеке, в читальном зале, тощая и постная библиотекарьша с изуверскими ноздрями отказалась мне выдать «Подростка» под каким-то ничтожным предлогом.

Европа нас пристыдила. Ещё Жан-Поль Сартр в интервью газете «Либерасьон» подробно разобрал советское отношение к Достоевскому. Сейчас наши большие люди многое пересматривают: пересмотрели и это.

10 февраля. Пятница. Сессия кончена. Я получил две пятёрки и тройку. «Грустно, девичьи!» — как говорил Остап Бендер. Тройка была получена 5 февраля, на другой день после моего юбилея. Я плохо себя чувствую весь этот год после колхозов.

До тройки решено было организовать у меня вечером 5-ого мальчишник; я «сел» на экзамене, но отменять уже не стали, и в злополучный день у меня собрались друзья и знакомые: Витька Торопчин, Шура Охотников, Нарик Ахмеров, Эдька Батыев, Шура Москович, Алик Глезер, Оскар Ильясов, Славка Жерехов. Я девятый. Геба не пришёл (как выяснилось позже, жена обиделась). Пили можжевеловую, 30 %, то что в Америке называется джин. Алик произнёс чисто московский тост: «Выпьем за Александра III!» — «Причём тут Александр

III?» — «Он продал Соединенным Штатам Аляску, и теперь студентов дальше Камчатки не посылают». Он, конечно, имел в виду Александра II (1867 год).

Алик и Оскар — типичные стилияги, хотя и не слишком яркие образцы. Их отличает причёска — длинные волосы, зачёсанные назад, костюм (широкий пиджак на одной пуговице, узкие брюки), туфли на толстой рубчатой подошве (трактора), манеры, вкусы и особенно их разговор. Алик носит синий галстук с белым голубем мира. Их библия — книга Ильфа и Петрова, где напечатаны два их бессмертных романа. Эта книга — самое остроумное, что было написано за всю советскую эпоху. Её написали два уроженца Одессы, причём Петров — это Евгений Петрович Катаев, брат Валентина Катаева. Но и эта замечательная книга имеет свои недостатки; они же обоготворяют её и цитируют во всех случаях жизни. Книга была написана против совмещанства и совголоветяпства, но стилияги обращают книгу против советского быта вообще. Вместо того, чтобы критиковать застой в советской литературе и кино, стилияги отрицают советскую культуру вообще. Они зубоскалят, но ничего не предлагают взамен. У них нет положительной программы.

В этой связи интересно привести девятый раздел статьи «Ещё о вкусах» (журнал «ТЕ-АТР», № 1 за 1955 год). Авторы статьи — В. Щитова, Вл. Саптак. Девятый раздел называется «Нора-нигилистка».

Последнее время Нора усиленно трудилась над диссертацией. Аспирантка-заочница одного из московских педагогических институтов, она писала работу, название которой формулировалось так: «Образ передового колхозника в советской послевоенной литературе». Дело продвигалось успешно, но Нора форсировала темп: «Она поставила перед собой задачу развязаться с диссертацией как можно быстрее. В институте Нора бывало редко, и её там никто как следует не знал. Кончала она не педагогический, а университет, и не русское отделение, а западное. Её дипломная работа была посвящена поэтике эпохи войны Алой и Белой розы.

В те годы Нора ходила в ореоле эрудита и человека самостоятельной мысли. Однако при распределении её направили в школу преподавать английский язык. Неизвестно, какими путями Норе удалось от этого несоответствующего её склонностям назначения. Некоторое время она занималась «свободным литературным трудом», то есть редактировала какие-то неведомые брошюры и писала за престарелую актрису её мемуары. А следующей осенью она поступила в заочную аспирантуру. Нора избрала «тихий» педагогический институт и «ультраидейную», как говорила она своим подругам, тему для диссертации.

Ещё в средней школе прозвали Нору «нигилисткой», и это прозвище перекочевало за ней в университет. Норе оно нравилось, она даже гордилась им.

Нора была блондинкой, но красила свои волосы в цвет тёмной бронзы. Это выгодно оттеняло её зелёные глаза, которые про себя она именовала «египетскими». Одевалась она строго и преимущественно в тёмное, но что-нибудь — только одна деталь — должна была быть вызывающе индивидуальной. . .

Нельзя сказать, что в студенческой среде Нора держалась замкнуто. Но в то же время она всеми силами стремилась «не раствориться в массе». Она редко пропускала лекции, но на лекциях ничего не записывала, а сидела в заднем ряду с книгой на коленях. Когда её спрашивали, что она читает, Нора отвечала с небрежной улыбкой: «Так, одна книжка. . . Вам будет неинтересно».

В своих суждениях о жизни и искусстве Нора была на редкость категорична и так умела «подать» своё мнение, что инакомыслящему становилось неловко за свою примитивность, за свою неспособность подняться до таких же высот. Никто не замечал, что у Норы был своего рода готовый комплект формул, безапелляционных и мнимозначительных. Нора стреляла этими формулами либо произносила их с грустной улыбкой, слегка приподняв бровь. Она заявляла: «Человек, которому могла понравиться это — для меня не существует!» Или: «Мы говорим в вами на разных языках!..» И собеседник — неизвестно почему чувствовал себя униженным.

Нора не признавала советского искусства и даже не очень стремилась это скрывать. Она культивировала в себе это фрондёрство, она гордилась им. Она считала признаком хорошего тона ругать всё то, что могло понравиться многим.

Нора не делала исключений. Для неё все были равны и те произведения, которые заслуженно стали нашей классикой, и те, которые вызывали споры, противоречивые суждения, и те, что были расхвалены просто в силу актуальности своей темы. Для неё не существовало различия между «Поднятой целиной» и «Светом над землёй», между «Любовью Яровой» и «Варварой Волковой». Маяковского Нора не любила и не понимала, но считала своим долгом утверждать, что его раннее творчество гениально, а всё остальное — агитки «ассенизатора и водовоза». В театр Нора вообще не ходила. И когда кто-нибудь уговаривал её посмотреть «В добрый час!», «Персональное дело» или «Клопа», она презрительно пожимала плечами.

Нора ничего не хотела от нашего искусства, ничего не любила в нём, ничего от него не ждала. Больше того, она его не знала, да и не хотела знать. И она судила о вещах, пуская в ход весь арсенал своих оглушающих формул, вовсе не считаясь с тем, что сама этих вещей не понимает или попросту не знает. Ей достаточно было, что в таком-то доме было высказано такое-то мнение.

Но зато с каким жаром, с какой убеждённостью говорила Нора об этих произведениях на экзаменах, умея вычитанное накануне из чужих конспектов выдать за дорогое, выстраданное, заветное. А на завтра в кругу интимных друзей, прикрыв ресницами «египетские» глаза, она с лукавой улыбкой пересказывала свой ответ, пересказывая его острыми комментариями.

В этом кругу друзей Нора значилась как девушка со сложным внутренним миром и тонким чувством прекрасного. Это был узенький круг людей, которые собираясь, говорили об искусстве. Нет, они не болели за его судьбу! Не переживали его неудачи! Не ра-

довались успехам! Не думали о его будущем и не верили в это будущее! Они говорили об искусстве только для того, чтобы говорить о себе.

Они высоко ценили друг друга, презрительно относясь ко всем остальным. Они прокультивировали себя! Почти каждый из них был известен в этом кругу каким-нибудь особым талантом. Почти каждый работал над какой-нибудь «большой вещью». Был среди них композитор, который одно время учился в консерватории, а ныне жил на изживении родителей и вот уже несколько лет работал над симфонией — по слухам, гениальной. Был среди них поэт, занимавшийся переводами с казахского, а здесь читавший свои собственные стихи, читавший только при свечах. Был художник, заканчивающий институт и писавший в качестве диплома грандиозное полотно «В ремесленное училище № 73 привезли токарные станки новой конструкции». Другим же он показывал свой автопортрет, на котором был нарочито непохож на себя, в чём все единодушно усматривали некий таинственный смысл. Нора не писала ни стихов, ни музыки, ни картин, но была принята как своя, как тот, кто может понять и оценить.

Это были своего рода интеллектуальные «стиляги». Каждый из них носился со своей неповторимостью, можно сказать, упивался своим «я». Но все они были удивительно похожи друг на друга, все были на одно лицо! Их экспромты, парадоксы, теории казались им новым словом. Они были убеждены, что идут «вперед прогресса». А на самом деле всё это было старо и давно известно. Они чванливо утверждали своё превосходство над всеми, были убеждены, что они что-то понимают, что они-то и есть истинные знатоки искусства. А на самом деле — были молодыми стариками, людьми с холодным, недобрым сердцем, с душой, изведенной, как молью, скепсисом и равнодушием.

Вечно оцетинившиеся, снобистски-высокомерные, нагловатые, они были готовы в любую минуту унизить каждого, выставить его в смешном свете, прозрачно намекнуть на его примитивность.

Все они частенько собирались у Норы. Им нравилась её библиотека, доставшаяся ей от отца, стильная обстановка квартиры; они даже разделяли Норину гордость остатками сервиза, на котором некогда обедал поэт Бальмонт. В этом доме все чувствовали себя свободно, все понимали друг друга с полупамёка, с полуслова. Сюда приходили, чтобы злословить, злословить обо всём.

Нора была такой же, как они. Она не умела радоваться, она ничего не воспринимала непосредственно. Встреча с каждым новым произведением была для неё только лишним случаем высказать свою образованность и «независимость суждений».

Нора считала, что живёт полной, интересной, сложной жизнью, чуждой «обывательской прозе» и «политической трескотне». Она лелеяла свои душевные переливы, свои смутные состояния, она увековечивала всё это в дневнике. Но истинная жизнь — жизнь большая, трудная, настоящая — проходила мимо неё. Она ничего не понимала в ней и ничего не желала в ней знать.

Но Нора была девушка практичная Она боялась остаться старой девой. Она твёрдо решила получить степень. Она хотела добиться тёплого и удобного места под солнцем. Она привыкла к цинизму своей двойной жизни. Это было удобно ей.

А за всем этим жило бессознательное чувство собственной неполноценности. Оно делало её завистливой и брюзгливой. Оно прорывалось вдруг через рафинированность манер, и тогда Нора превращалась в злобную пошлячку, которая неприлично кричала на свою старуху няньку, на своих соседей по квартире.

Так и живёт эта Нора, живёт, обманывая себя и других, выдавая свой обывательский нигилизм за высокую требовательность к искусству. И кое-кто прислушивается к её оценкам, по простоте душевной видя за ними стремление судить наше искусство по высокому счёту. . . Нора сеет неверие, скептицизм эстетское чистоплюйство. Она плодит вокруг себя таких же интеллектуальных «стиляг».

11 марта. Воскресенье.

Гарри Иващенко ездил на 2 месяца в Москву и передал Эльвире письмо от меня. Она написала мне ответ. Девочка никогда не отличалась особой изобретательностью. Она говорит, что сдавала досрочно экзамены, чтобы съездить к мужу. «Вот что любовь делает с человеком!» Эту фразу она дважды повторила в письмах Гале Кирилловой. Вообще она слишком много говорит всем о своей любви и счастье: это подозрительно. Она поблагодарила за мои приветы и запоздалые поздравления, но с оговоркой — если это от души.

Гарри говорит, что она не изменилась, разве только похудела, а это ей на пользу. Она хороша собой, но стала большой любительницей развлечений и развлекателей: Гарри рассказывает, что она пользуется сомнительной популярностью. Если судить по его рассказам, она сделала мужа рогиносцем. Но на Гарри в подобных случаях трудно положиться.

Я очень скучаю и веду совершенно бесцветную жизнь.

12 марта. Понедельник.

В парторганизациях читали очередное закрытое письмо: Сталин и 1937 год. Там говорится, что это было целиком его рук дело, что Серго Орджоникидзе не умер своей смертью, а застрелился.

Сенсационный слух, которому трудно верить: Генрих Ягода, бывший нарком внутренних дел, реабилитирован и освобождён. Генрих Ягода, имя-символ, символ ужасов кррровой бухаринской клики: это он приказал освободить Николаева, арестованного с оружием и с маршрутом Кирова, нанесённым на план Смольного в записной книжке. Николаев был освобождён, отправился в Смольный и выстрелил Кирову в затылок. И вот Генрих Ягода на свободе: он н и в ч ё м не виноват.

А Серго? Один из самых лучших и симпатичных большевиков. Недаром вокруг его конца муссировались какие-то слухи (то его залечили еврейские профессора, то его врагом был Берия, к которому Серго испытывал «политическое недоверие»).

Странные дела творятся. Странные, но, кажется, хорошие. В «Литературной газете» была дана небольшая, но звучная отповедь зарвавшемуся Михаилу Шолохову: «Письмо в редакцию» от какого-то Гиндина, пенсионера, инвалида, большевика с 1918 года (когда Шолохову было 13 лет). Гиндин назвал выступления Шолохова с трибуны II съезда писателей и XX съезда партии демагогическими. Трудно спорить против этого. Шолохов говорит много верного, но общий тон невыносимо дешёв и развязен, много крупных просчётов и крикливых поучений. Гениальный романист стал литературным скандалистом. Он поносил всех мало-мальских заметных людей старшего поколения: Фадеева, Эренбурга, Симонова и ещё кого-то. Особенно оскорбил он Эренбурга с его «Оттепелью», где много правды и смелости; больно ударил и по Симонову. Лично я считаю Симонова великой посредственностью, но отрицать его заслуги невозможно. «Жди меня» — классика. А Михаил Шолохов, впадая на грани пятого и шестого во младенчество, завопил весьма неприличным и писклявым голосом, как андерсеновский наивный мальчик: «Король-то голый!» Слава Симонова пройдёт, его взлёты — временное явление, его бесчисленные Сталинские премии — результат личного расположения того, покойного. . . старика с усами. . . и всё же Симонов — не дутая величина, а честный писатель, крепко работавший в своей жизни. В последнее время он пишет мало и плохо (лучшее стихотворение — «В гостях у Бернарда Шоу», а «Иван да Марья» — очень слабая вещь). Но Шолохов грызёт Симонова не за это.

В разгар «антикосмополитской» шумихи и всяческой брани по адресу евреев между Шолоховым и Симоновым произошла резкая дискуссия, вышедшая за пределы того, что возможно печатать. Мама считает, что смысл дискуссии о псевдонимах заключался в стремлении евреев укрыться от литературной облавы под благопристойными русскими именами. Позиция Шолохова-обличителя в конечном счёте обозначала «бей жидов», а Симонов был против, хотя и в такой далекой, завуалированной форме.

Ещё детали. Телохранилитель Кирова, чекист, заметил Николаева за долгое время до совершения террористического акта; он подавал сигналы, которые остались без последствий. Во время следствия по делу об убийстве Кирова этот чекист, которого повезли на какой-то очень важный допрос, попал в автомобильную катастрофу и один остался жертвой его.

Сегодня пошёл в Уфе новый фильм Джузеппе де Сантиса «Утраченные грёзы». В этой картине, поставленной в обычной манере итальянского чувственного и драматического кинореализма (с уклоном в натурализм), де Сантис показал нам новую актрису. Замечательная женщина, с характерным и красивым лицом, с великолепным телом и стройными красивыми ногами, которым уделяется добрая четверть кадров. Нередко она мелькает раздетая и полураздетая. Актёры играют очень хорошо, сюжет остёр, много острых коллизий, идея гуманистична — но всё пересиливает и забывает сладострастное женское тело, всеобщая любовная жажда, физическая страсть. Все ароматы искусства одолевает *odeur de femme*. Ямочки около колен, волосы подмышками, голые руки и плечи, краешек атласного бедра, тень посреди груди, сладостно приоткрытые губы, пухлые и манящие, — тысяча соблазнов! Эротизм — сильное средство, но им следует пользоваться осторожно, как

отравленными стрелами караибов: эротизм при злоупотреблении обращается против цели и вредит замыслу. Так и в этом фильме: женщину превратили в красивое и здоровое животное. Зритель выходит из кинотеатра отуманенный и слегка оглушённый, с бредовыми видениями в голове.

18 марта. Воскресенье.

Новости одна другой страшнее и непонятнее. Всё в связи с письмом ЦК. По-новому переписывается история Советской России. Предстаёт совершенно новый облик Сталина. В дебрях слухов трудно разобраться, но вот о Шолохове: Сталин хотел, чтобы Шолохов отразил «роль верховного командования» в книге «Они сражались за Родину». Книга была уже готова, но Сталин возвращал её на переделку. Шолохов не выдержал и сжёг роман. Вот после этого он и запил. Тогда-то началась его тоска и злоба. Теперь он стал уже алкоголиком. Алкоголь высасывает фосфор из его мозговых клеток, теперь ему уже не поднять большой темы. Он не владеет больше композицией, его мысли, образы разбегаются. Тоска и злоба растёт, но он притворяется весёлым. Его речи на съездах были вольными импровизациями. Говорят, в последний раз на съезде партии он выступал вполпьяна. Ничего хорошего из этого не выйдет: Шолохов вряд ли долго протянет, а если и протянет — его никто не поддержит. Валентин Овечкин — не союзник: как говорится, связался чорт с младенцем.

Говорят, речь Шолохова на съезде писателей газеты опубликовали в сильно сокращённом виде. Он якобы сказал в этой речи по поводу газетной полемики Симонова и Эренбурга: «Два еврея поругались, скоро помирятся».

Дела делаются интересные и странные. На XX съезде партии было проведено одно заседание без гостей, без журналистов, без свидетелей, где говорили о партии и о Сталине. Для публикации была брошена устами Микояна многозначительная фраза: «Пятнадцать лет у нас не было коллективного руководства». А на закрытом заседании говорили много. Выступал Хрущёв... Его доклад и составляет содержание письма ЦК. Вероятно, письмо будут читать на партактивах, комсактивах, даже для беспартийных.

У нас в Башкирии руками заключённых выстроен новый город Салават, промышленный центр. В «Советской Башкирии» были напечатаны фотографии героев — строителей. Лучший каменщик Салавата — бывший политзаключённый, ныне реабилитированный. Как он попал на каторгу? Это было лет 6–7 назад. Человек напился пьян и в пылу азарта, размахивая руками, разбил портрет Жданова. Его схватили, отвели, допрашивали, пытали, вытягивая признание — в какой он состоит тайной организации. Он выстоял, ничего не наклепал на себя, ему дали только пятнадцать лет каторги. Теперь он освобождён и вдобавок герой труда.

27 февраля. Вторник.

На прошлой неделе умерла французская женщина — физик Ирен Жолио-Кюри. Ещё в детстве в пионерском журнале довоенных лет я видел репродукцию старой фотографии: молодая супружеская чета с маленькой девочкой. Это Пьер Кюри, его жена Мария

Складовская-Кюри (полька) и их дочурка Ирен. А теперь в газетах напечатан обведённый чёрной каймой портрет седой женщины — это и есть Ирен, жена Фредерика Жолио-Кюри, который, кстати, по фамилии вовсе не Кюри, а просто Жолио. Супруги Жолио-Кюри продолжили традицию, они объединили свои имена и свой труд в науке. (Другой четой супругов-физиков были Этель и Юлиус Розенберги, казнённые в США).

Я сейчас много читаю, хотя и не слишком систематически. На днях прочёл «Роз Франс» Лаффита и «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека. Перечитывал «Искатели» Градина. В журнале «Юность», который редактирует Валентин Катаев, печатается интересная детективная повесть «Дело пёстрых». Сейчас вообще детективная тема расцвела. Правительство и руководящие круги издательств поддерживают и даже инспирируют всевозможные произведения о советской милиции, об угрозыске, т. к. дело Берия сильно подорвало и без того невысокий авторитет МВД. Сейчас в Уфе с огромным успехом идёт кинокартина «Дело Румянцева», Ленфильм, сценарий Юрия Германа, талантливого неудачника, и Иосифа Хейфлица, он же режиссёр картины. Юрий Герман — сам бывший чекист и всегда писал о преступниках и оперативных работниках, о ЧК и Дзержинском, если не считать нескольких мелких вещей, пухлого романа «Наши знакомые» и ужасающе нудной ультрапатриотической книги «Россия молодая» (из эпохи Петра I). Сценарий великолепный, но не хуже и режиссёрская трактовка и операторская работа (особенно Ленинград, ночные улицы), и игра актёров. В главной роли Александра Румянцева снимался Баталов, молодой актёр, впервые выступивший в кинофильме «Большая семья» (по романа Кочетова «Журбины»). С тех пор Баталов быстро пошёл в гору, снимаясь в одном и том же неизменном амплуа — гордого, самолюбивого молодого рабочего, иногда весёлого и озорного, но чаще однообразно мужественного и ожесточённого (в фильме «Мать» — Павел Власов). Во всех фильмах Баталов одинаково ухмыляется и одинаково сверкает волчьим взглядом исподлобья. Но в этом фильме «Дело Румянцева» он сыграл гораздо лучше (сценарий лучше и роль богаче). Хорошо играет он сцену допроса, когда негодяй-следователь (новый тип в советском кино и советском искусстве вообще) на слова «товарищ следователь» отвечает: «Тамбовский волк тебе товарищ!» (От обвиняемых требуется обращение «гражданин»).

Великолепного седого чекиста с неторопливой походкой и благородным, умным лицом сделал артист Лукьянов — полковник Афанасьев. Любимец публики Крючков играет Королькова, жулика с автобазы; особенно хорошо он играет пьяного. В это фильме Крючков сумел сделать даже свою походку подлой. Великолепно (не нахожу другого слова) играет группа шофёров, товарищей Румянцева.

Очень понравился мне старый аферист Шмыгло, его играет В. Чекмарёв. Это тонкая бестия, старый травленный волк, не раз сидевший в тюрьмах. Полковнику Афанасьеву не раз приходилось брать Шмырло, они давно знакомы, и жулик называет чекиста по имени-отчеству. Хитрый, ловкий ворюга, он спокойно держится во время обыска в его квартире; сидит за столом и пощёлкивает колодой карт, выкидывая наудачу одну карту, и всё время вылетает туз пик, который означает при гадании «казённый дом».

А каким тоскливым волчьим голосом Шмыгло говорит в конце эпизода: «В моём возрасте не слишком приятно видеть небо в крупную клетку». На миг становится жалко этого бандита.

Интересно сделан конец фильма: ресторан в приморском городе Лайма, глухой закоулок во дворе ресторана, страшное избиение Румянцева ворами и спасение в последний момент — полковник Афанасьев со своими «операми». Весь сюжет заключён в рамку воспоминаний шофёра Румянцева, который ведёт по осенней дороге свой грузовик, возвращаясь из рейса к молодой жене.

Фильм пользуется бешеным успехом, какой давно уж не выпадал на долю советских фильмов. Билеты раскупаются на несколько дней вперёд. На площадке перед «Родиной» густо стоят неудачники в поисках лишнего билетика. Меня тоже вчера вечером останавливали этим вопросом, когда я поднимался на ступеньки перрона. Простой народ в восторге от фильма. Особенно рвутся посмотреть его шофера

Нет, Генрих Ягода не реабилитирован, это вздор. Но убийство Кирова остаётся неясным. Создаётся впечатление, что его организовал Сталин. Так ли это? Правда ли это? Трудно сказать.

Ещё новость из письма: Молотов и Ворошилов во время войны сидели, оказывается, в тюрьме. Хрущёв сказал в этой своей речи: «Если бы Сталин прожил ещё два месяца, мы бы не увидели здесь на съезде товарищей Микояна и Молотова». Сам Хрущёв рассказывал, как он приходил с докладом к Сталину и тот неожиданно спрашивал его: «Что это у тебя глаза бегают?»

Лучше всего жилось при Сталине грузинам. В Грузии был создан особый режим, там, по существу, не было советской власти. В то время, как над всей Россией всё туже закручивался налоговый пресс, Грузия процветала со своими виноградниками и цитрусовыми плантациями. У всех грузин свои автомобили, заработки огромные, частное предпринимательство прижилось рядом с социализмом уродливо и подло, путём всяких полулегальных бизнесов. На проспекте Руставели в Тбилиси больше стилияг, чем на Невском или на улице Горького. Молодой грузин никогда не обратит внимания на девушку, которая не имеет лакировок и габардинового пальто. Грузия после войны ни разу не голодала, там не знают, что такое голод. Как же не литься рекой вину, как же не распахнуться прославленному кавказскому гостеприимству! Широкие грузинские натуры не жалеют денег. Футболист Дзяпшпа ехал как-то на своей «Победе» по Тбилиси и его задел крылом шикарный «ЗИМ». Дзяпшпа разворачивается, даёт полный газ и сразгона таранит «ЗИМ». Свою машину разобью, но и твою попорчу. Это анекдот. Но вот факт: мамина сотрудница Баронова только что вернулась из Гагры. В магазине она покупала что-то за 0 рублей и дала кассирше десятку. Та выбила чек и обратилась к следующему. Баронова потребовала сдачи. Кассирша (конечно, грузинка) взорвалась: «Поглядите на эту нищенку! Стоит из-за какого-то рубля». В Грузии не принято брать сдачу и не принято давать. Такую широкую и вольную жизнь грузинам дал Сталин.

Понятно, что закрытое письмо ЦК о деятельности Сталина вызвало в Грузии кровавое и мстительное чувство. Грузины, боготворившие Сталина ещё больше, чем мы, почувствовали, что их привилегированному положению приходит конец. Произошёл взрыв.

Население Тбилиси вышло на улицы. Огромные толпы демонстрантов несли портреты: Сталин и Берия. Избивали русских; закалывали ножами военных. Пронёсся лозунг об отпадении от Союза. Были выведены на улице регулярные войска, стрелявшие в толпу. Это был настоящий мятеж, почище чем в 1924 году у Ноя Жордания. Об этих событиях молчит радио, молчит печать. Никто ничего не знает (особенно у нас на Урале).

31 марта. Два свежеиспечённых анекдота, порождённых мгновенным действием письма ЦК.

У Сталина пропала трубка, он звонит по телефону

— *Лаврентий, пропала трубка. Расследуй это дело.*

— *Будет сделано, Иосиф Виссарионович.*

На другой день:

— *Лаврентий, как дела?*

— *Меры приняты, арестовал сто человек.*

Через день:

— *Лаврентий, как дела?*

— *Принимаю меры, И. В., арестовано ещё двести человек.*

Наконец Сталин звонит:

— *Лаврентий, трубка лежала в другом ящике, освободи заключённых.*

— *Не могу, И. В., не имею права.*

— *Почему?*

Они уже признались.

Другое. Карл Радек вернувшись в Москву, первым делом пошёл в Мавзолей. Он посмотрел, вздохнул и сказал: «Эх, товарищ Ленин, какую свинью тебе подложили!» К этому анекдоту необходимо примечание: сейчас Мавзолей закрыт.

Есть слухи, что Жуков направлен в Грузию. В одном частном письме тоже говорилось, что были демонстрации и стрельба по толпе.

25 апреля. У меня уже вошло в привычку каждую весну воскресать после зимней мути и хвори. Я надел лёгкий плащ и начал бегать по улице. Не забывая старых друзей, я нашёл несколько новых. Здоровье у меня улучшилось, настроение неудовлетворённое, но бодрое — самое боевое настроение. Много думаю, много говорю с хорошими ребятами, а это помогает отчётливее формулировать мысли. Растёт уверенность в себе, но прямо пропорционально растёт и раздражение самим собой. Хочется работать. Недовольство.

Один новый знакомый, которого я когда-то знал в 11-ой школе, Додик Флигель, рассказал, почему он не стал музыкантом. Кое-что он приврал, но в остальном очень интересно.

Его историю я приложил сюда на листке простой бумаги, исписанном авторучкой (синие чернила).

Никита Сергеевич Хрущёв молодчага. У него есть драгоценные качества: огромная энергия, подвижность, настоящий непоседа. Когда начались беспорядки в Грузии (говорят, портреты Сталина и Берии несли, а других волочили по земле), то Хрущёв немедленно вылетел туда. Это по-боевому. Это как Риджуэй: он на западноевропейском фронте командовал авиадесантным соединением и прыгал с парашютом лично, в числе первых, непосредственно вслед за разведкой. Сравнение рискованное, но в художественном смысле правомерное.

Письмо нам прочитали. Потрясающие факты привёл в своём докладе Хрущёв. Вырисовывается правда о 37-ом годе и правда о роли Сталина в Отечественной войне. Этот доклад рано или поздно будет опубликован. Переписывать его на память некогда и нет смысла. Этот доклад на всех, кто его слышал, производит огромное впечатление.

Да, теперь глаза раскрылись. Теперь вся советская история получила новое и неожиданное освещение. Впрочем, новое и неожиданное только для нас, сопливой молодёжи, которая эту историю не пережила.

В журнале «Вопросы истории» № 3 за этот год напечатана статья, в которой реабилитируется память маршала Блюхера. Он не враг и не предатель, а честный советский маршал. Кстати, родом он из нашего Белорецка, отец его был немецкий инженер на Белорецком металлургическом заводе. Блюхер возглавлял в годы гражданской войны Белорецкую советскую республику и сыграл свою роль в борьбе против Колчака. Блюхер командовал армией, которая штурмовала Перекоп.

В военном отношении генералиссимус был злым ничтожеством. Он завидовал Жукову и не верил ему, он не верил Ворошилову, перед войной Рокоссовский сидел в тюрьме, а Блюхер был устранён. В детстве я видел учебник истории для 4-ого класса, где портрет и имя Блюхера были густо затушёваны карандашом. Сталин погубил 400.000 наших солдат в злополучной Харьковской операции (а в Сталинградском котле было только 300.000 человек). Подлинная история войны пишется в эти дни.

Новенький анекдот на злобу дня. Идёт XX-й съезд, Хрущёв читает свой доклад о культуре личности Сталина. Ехидный голос из зала: «А почему вы раньше об этом молчали?» Хрущёв: «Кто это сказал?» Молчание. «Кто это сказал?» Ответа нет. «В последний раз спрашиваю, кто это сказал?» По-прежнему тишина. Хрущёв спокойно делает вывод: «Вот поэтому мы и молчали». Это дьявольски остроумно, и это в духе Хрущёва, который весьма не лишён чувства юмора.

Вся рабочая и служащая Россия очень довольна сокращённой субботой, которую установил Хрущёв.

29 апреля. Изданы две книги: Александр Грин «Избранное» и романы Ильфа и Петрова в одном томе. Обе книги вышли тиражом в 150.000. Грина мы уже купили, издан хорошо: синий переплёт, на нём корабль с алыми парусами. Мы подписались на Достоевского, пер-

вый том уже у нас. Прочёл я недавно очень свежую и интересную книгу Джеральда Гордона «Да сгинет день!» о дискриминации цветных в Южно-Африканском Союзе.

Хрущёв и Булганин прибыли в Англию 18 апреля, уехали, кажется, 27-ого, позавчера. В общем, поездку их можно считать удачной. На англичан Хрущёв произвёл благоприятное впечатление.

В целом встреча была тёплой. Лейбористские лидеры, завидуя, что им не приходится принимать этих популярных гостей, издали несколько злобных звуков, но в общем, было очень прилично. В эти дни у нас не глушили Би-Би-Си, и по радио можно было услышать много интересного и забавного. Во время проезда наших по лондонским улицам из толпы выбежал мальчик и выпалил в Хрущёва из игрушечного пистолета. Дети не искушены в тонкостях дипломатии. Мальчика увели в полицию делать внушение. Не то в Оксфорде, не то в Кембридже часть студентов, в целом неожиданно тепло принимавших наших лидеров, отмочила злую шутку: эти остряки вынесли навстречу Хрущёву и Булганину портреты Сталина и Берии.

В отеле «Клэридж», служившем резиденцией Булганина и Хрущёва, был устроен грандиозный приём на 1200 персон: сэр Антони Иден, Селвин Ллойд, министры, бизнесмены, члены парламента, в том числе представители оппозиции, профсоюзные деятели и прочие. Полчаса, как сообщала ВВС, приглашённые стояли в очереди на улице, прежде чем попасть в отель. Внутри была страшная давка, разбили много посуды и стекла, испортили многим дамам туалеты. На приёме присутствовал известный киноактёр Чарли Чаплин.

Чарли сейчас в Лондоне. Он приехал в Англию снимать свой новый фильм «Король в Нью-Йорке». Статью о будущем фильме я выписал из газеты «Советская культура» и прилагаю сюда.

Хрущёв говорил с ними прямо, откровенно, даже резко, так же как говорит здесь, дома. Кажется, англичанам он понравился.

Обстановка накалена сейчас на Ближнем Востоке (Израиль-Египет). В остальном в мире довольно спокойно. Плохо в Юго-Восточной Азии.

Посмотрим, что ещё будет. Пока развивается неплохо.

3 мая. Отпраздновал праздник у Витьки. Ничего особенного. Только завидую Гаррике Иващенко. Он был на вечеринке со своей очередной подружкой — Светкой. Эта первая всем нам понравилась, чудная девушка, милая, умненькая, а какой лепет, какие глаза и губы! Я ему завидую. Девочка учится на II курсе Авиацинститута.

Чудная крошка.

«Правда» за 28 апреля 1956 года даёт на четвёртой полосе заметку:

Приезд в Москву Д. Бурлюка

28 апреля в Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыл из Соединённых Штатов Америки художник и литератор Д. Бурлюк с супругой.

Д. Бурлюк намерен провести в СССР два месяца. Он посетит, кроме Москвы, Ленинград и юг страны (ТАСС).

А в первом номере «Литературной газеты» на третьей полосе в заметке «Гости из-за рубежа» скромно упомянуто (в самом конце):

В Москву по приглашению Союза писателей СССР приехали немецкая писательница Анна Зегерс, французский писатель Роже Вайян, художник и литератор Давид Бурлюк с супругой (США).

Знаменитый Додик Бурлюк, родоначальник русского футуризма, родом из Уфы. В нашем Уфимском музее хранится его пейзаж, написанный крупными аляпистыми кляксами: краски, вероятно, выдавлены на холст прямо из тюбика. Я давно уже видел этот пейзаж, его не вывешивали лет девять, я видел его примерно в 1947 году. Не знаю, вывешен ли он сейчас (вряд ли).

23 марта сего года Роже Мартени дю Гару исполнилось семьдесят пять лет. Правление Союза писателей СССР послало ему телеграмму: «Шлём Вам большому французскому писателю, свои сердечные приветствия и наилучшие пожелания в день Вашего 75-летия».

15 мая. Вторник.

Сенсационное известие! Новая трагедия. Сегодня утром радио объявило о «трагической гибели» писателя Александра Фадеева. А сейчас уже всем известно, что он застрелился (сейчас четверть третьего).

Об этом рассказала радиостанция Би-Би-Си, которую уже перестали глушить (большой прогресс). Итак, Фадеева нет. При советской власти в России кончили самоубийством свою жизнь Сергей Есенин (1925 год), Владимир Маяковский (1930 г.), Андрей Белый (Бугаев, 1934) и Александр Фадеев (13 мая 1956 года, в воскресенье). Жаль Фадеева, когда-то он был большим писателем. Что толкнуло его на этот шаг? Психическая депрессия, результат алкоголизма, но говорят ещё о тяжёлых муках совести, о страхе: якобы он был причиной гибели многих писателей, так называемых «космополитов». Вот как невесело кончаются все наши смешки и анекдоты.

Сейчас же после закона о пенсиях, вызывавшего большое удовлетворение народа, был выпущен новый заём, большой и тяжёлый. Он спроектирован на манер прогрессивного налога: чем больше человек зарабатывает, тем больше процентов берёт с него государство на заём. Маму подписали на 1500 рублей. Тяжеловато приходится. Положение с питанием так себе. В столовых обеды несколько подорожали. Хлеба теперь в Уфе много, причём всякого, есть молоко, сметана, кефир, творог и т.д., сахаром Уфа обеспечена, много рыбы, свежей и свежемороженой. Но вот мясо и мясопродукты — этого нет. Сегодня мама ездила на открытие Аэропорта и там, на аэродроме, купила за 30 рублей килограмм копчёной колбасы. В городе колбасы нет (перед праздником, правда, её продавали). На базаре хорошая картошка стоила в воскресенье 1 р. 50 коп., а так себе картошка — 1 р. 25 коп. за килограмм (но это воскресная цена). Впрочем, сейчас май, а вот подождёт до нового урожая,

там будет видно. Правительству нужны деньги: электростанции, целина, жилищное строительство, оборонная промышленность — всюду нужны новые капиталовложения.

Недавно мы с одним знакомым сидели у афиши кино, где был намалёван громадный профиль неприличной женщины Ларионовой. Знакомый назвал её «Аллка-Давалка». Новое словечко.

17 мая. Четверг. Вчера похоронили Фадеева.

Международная сенсация первого класса: Советский Союз объявил о демобилизации 1200000 штыков и законсервировал 375 военных кораблей. Миллион двести тысяч здоровых мужчин вольются в хозяйство страны. Огромные средства освобождаются для производительного расходования. Это событие уже получило мировой резонанс.

Вчера вечером у нас гость, Валентин Георгиевич Морозов, сценарист («Хитрость старого Амира» и «Море зовёт»). Мы разговаривали с ним о политике, о литературе и о кино.

В Киеве он обедал в ресторане за одним столом с Аллой Ларионовой, которая снималась в украинском фильме «Главный проспект» К Тарасовой Аллка-Давалка не имеет никакого отношения. Валентин Морозов говорит, что это очень красивая женщина, но очень полная. Он хвалит её за то, что она очень просто держится. Когда они обедали, Алла оглядела богато уставленный стол и говорит: «Эх, картошечки бы мне! Я бы её с удовольствием рубанула». Говорит, что любит картошку. Валентин ей говорит, что от картошки полнеют. Она в ответ махнула рукой: голодала так, что прямо шаталась, ничего не ела, а всё равно не помогает — «так меня и прёт». Плюнула и стала есть всё, что захочет.

На одном «капустнике» в Москве В. Г. слышал, как молодой и многообещающий поэт Евтушенко читал с эстрады пародии на современных поэтов: как бы они написали лермонтовское «Выхожу один я на дорогу. . . » На Сергея Смирнова он прочёл:

Выхожу я лично на дорогу,
Сквозь туман которая легла.
Ночь тиха, пустыня внемлет богу:
Это всё нам партия дала.

В. Г. был знаком с Эйзенштейном, знает многих больших людей, с Ярославом Смеляковым он играл в бильярд. Оказывается, Смеляков трижды бывал в заключении. В третий и последний раз его посадили, как рассказывает Валентин Морозов, за одну-единственную фразу. В номере гостиницы «Москва», где жил Назым Хикмет, Смеляков сказал хозяину (и, вероятно, при «свидетелях»): «Ну, что там, ты просидел пятнадцать лет в турецкой тюрьме, а ты бы вот просидел годик у нас в лагере, вот тогда бы ты другое заговорил». Слово — не воробей, и Смелякова взяли за жабры. Не знаю, правда ли.

А после XX съезда, говорит В. Г., одна французская газета напечатала крупным шрифтом: «В России произошла необыкновенная революция — впервые за всю историю русские свергли монарха, который умер три года назад».

Одна киноактриса, ездившая на фестиваль в Аргентину, рассказывала Морозову, какими белыми воронами выглядели наши актрисы на банкетах. Наши надели свои обычные советские платья с приличным декольте и без рукавов, короткие плечики. Но все, абсолютно все иностранные женщины были одеты в бальные туалеты, у которых лиф держится на жёстком корсете: руки, плечи и спина голые, никаких бретелек, закрыта только грудь. На другой день газеты писали: «Русские дамы были одеты по своей моде». Эта киноактриса говорит, что они сгорали от стыда, не знали, куда деваться, так резко они выделялись. Кроме того, они навешали на себя свои драгоценности, золото, бриллианты, а за границей теперь во всём мире считается неприличным и дурным тоном вешать на себя сотни и тысячи, никто не носит алмазов и золота, всё искусственное: клипсы, броши, браслеты и так далее — сталь, стекло, пластмасса. «Пластмассовые драгоценности» носят даже очень богатые женщины.

В Москве «менингитки» уже начинают выходить из моды, из носят уж года три Алла Ларионова даже в фильме «Судьба барабанщика» (по Гайдару) снималась в менингитке. В. Г. привёл ещё примеры такой «накладки»: в фильме «Кортик» (по книге Анатолия Рыбакова, где описываются 20-е годы) по улице старого Ленинграда проезжает современный автобус рижского завода, а над домом торчат характерные в форме буквы Т, антенны телевизоров; в фильме «Отелло» Сергея Юткевича на голубом венецианском небе тянется белый, нетающий след реактивного самолёта, который ни с чем нельзя спутать (новое в пейзаже 20-ого века).

До Москвы наконец докатилась американская женская мода: ходить с непокрытыми головами. Все очень рады этому.

21 мая. Понедельник.

Совершенно неожиданно для себя в субботу я отправился со студентом истфака Рифом Насретдиновым на рыбалку с ночевьём. Мы вышли из Уфы часа в четыре, в начале пятого, а вернулись в десять часов вечера, вчера, так что провели на Дёме больше суток. Ночью мы жгли костёр недалеко от Дёмского деревянного моста, через который проходит шоссе. Костёр переносится на другое место, на расстояние метра, не больше, а из горячей золы получается очень хорошая постель, сухая и тёплая. Я лежал на этой постели из золы, сверху небо со звёздами и ущербной луной, кругом чернеют силуэты деревьев, по мосту время от времени проезжают грузовики или протарахтит мото, где-то поёт молодёжь из совхоза. Товарищ мой сидит внизу у воды, и я слышу, как звякают колокольчики на его удочках. Всё слышно насквозь, можно разобрать, о чём говорят на другом берегу Дёмы, а она ещё не вошла в берега. Костёр мой горит, трещит, и я сквозь дрёму бросаю в него ветку или сгребаю надгоревшие сучья. Хворосту, сухостоя, валежника кругом вдоволь. Костёр извивается, борется, и я не могу оторвать сонных глаз от его красного пламени. «Вот так же было три тысячи лет назад, — думается мне. — Прохладной весенней ночью мой волосатый предок сидел у огня, смотрел, и в голове его, занятой мыслями об овцах, мясе и кочевьях, проносились обрывки неясных видений, слабые предчувствия будущего». Мне было отрадно,

и ничто не огорчало и не злило: ни холод, ни роса, ни жёсткая земля под боком. Я лежал, куря папиросу, подложив под голову угол рюкзака с нашим общим продовольствием, и глядел, глядел на огонь. Я не рыбачил, нет, я не люблю ловить рыбу, но я помогал Рифу (он однорукий). Всю дорогу я нёс довольно тяжёлый мешок, я собирал хворост и сухостой для костров. Мы обошли пешком очень порядочные расстояния, так как после разлива ещё затоплены очень большие низины, и в низких местах берег Дёмы не везде проходим, приходится делать крюк километров на четыре-пять. Лес нежно зеленеет, блестят серебристые листочки ясеня, молоденькие тонкие липы стоят красные, смуглые. Чудесно пахнет от тополей, а черёмуха вся в цвету, вся в белых роскошных соцветиях, она благоухает, мимо неё трудно идти мимо. Какие пейзажи! Струистая зелень мутной дёмской воды, высокие берега с прекрасным свежим лесом: на одном берегу молодая листва густого, мягкозелёного цвета, как зелёный атлас, а на другом берегу ровной шеренгой высятся стройные деревья с белыми стройными стволами, с нежной полупрозрачной листвой ясновыраженного голубого оттенка. Этот контраст разных пород леса, эта импрессионистическая картина, нежная гамма красок, зелёное и голубое, с разными переходами от неба к воде, всё это восхитило меня своей живописностью.

Я остался очень доволен этой прогулкой, хотя фактически мы совсем не спали за эти сутки. Товарищ наловил около двух килограмм рыбы, но остался этим не удовлетворён, а я чудесно провёл время: комары изъели мне шею и руки, но это чепуха. Мы пили мутную воду из озёрной протоки, затащив стаканчик грязным платком, который я догадался взять с собой на всякий случай, и набирая воду через этот платок. Рядом сидела, высунув из воды морду, невероятно наглая чёрная лягушка и не уходила, сколько я не гнал: прыгнет раз и сидит. Но я всё же отогнал её. Лягушки не замолкали всю ночь и утро, рыба играла в озёрах и заводях, тончайшим серебром сыпались голоса бесчисленных птиц, а прекрасные соловьи не смолкали почти до полудня. Одного соловья мы видели. В другом месте товарищ показал мне ползущего по стволу пёстроного дятла: чёрно-белый с красной головкой. Кукушки куковали на всю Дёму. Мы видели в полузасохшей грязи широкие следы копыт лося, его помёт и обглоданную им липу. Изредка, в самых глухих местах, видели пролетающих уток. Где-то очень далеко слышно было токованье тетеревов.

Риф поймал ещё ночью у моста двух довольно крупных сомят, и одного из них я сажал в садок: упругий, сильный, он бился в руках, и руки скользили по его слизистой коже. Двух маленьких рыбёшек, лежавших в садке, ночью у него съели раки.

Не знаю, о чём ещё записать, но только знаю, что прогулка эта запомнится мне очень надолго.

Я услышал рассказ о смерти Блюхера. Его вызвали с Дальнего Востока в Москву. Блюхер явился к наркому Ежову. Ежов не сказал даже «здравствуйте», а сразу же спросил: «Ну, рассказывай, гад, как ты продавал японцам советскую родину». Блюхер вспыхнул и метнул в него тяжёлое пресс-папье. Ежов, вероятно, от испуга схватился за револьвер и застрелил Блюхера.

24 мая, четверг. Рассказывают, что Исаак Осипович Дунаевский кончил жизнь самоубийством, а не своей смертью умер. О его сыне Евгении Дунаевском когда-то упоминала одна статья в «Комсомольской правде», как он «кокотливо» написал в анкете при поступлении в институт: «Сын известного композитора и танцовщицы». Но в институт он не поступил. Это очень стильный (и, вероятно, очень глупый) мальчик. Евгений Дунаевский познакомился с дочерью известного актёра Мордвинова и привёз её в свою компанию на дачу. У стилист под Москвой есть такие дачи-клубы, но эта дача удивила девушку своей вызывающей роскошью. Видимо, что-то там было подозрительное, т.к., вернувшись в Москву, она сообщила об этой даче в милицию. Вскоре за ней явились два милиционера и попросили её проследовать с ними для дачи показаний. Она с готовностью согласилась. Через несколько часов Мордвинову в театр, в антракте, сообщили по телефону, что его дочь найдена мёртвой (рассказывают, что она была зарыта живьём в землю). Узнав, что Евгений Дунаевский замешан в убийстве, Исаак Осипович покончил с собой.

О Фадееве. В последние годы печень его была совершенно разрушена, каждый глоток спиртного причинял невыносимые страдания, и всё же он пил.

У Аллки Ларионовой был муж-генерал, но она с ним поссорилась, швырнула ему в лицо все свои платья и ушла от него.

26 мая. Суббота. Заграничные любовные истории.

У меня накопилось немного материалов из газет о знаменитых романах последнего времени, и я решил их зафиксировать.

В 1955 году принцесса Маргарет, сестра английской королевы Елизаветы II-й, довольно милостивая и, видимо, своенравная девица, публично заявила, что любит армейского капитана Питера Тунсенда и желает выйти замуж только за него. Весь октябрь американские и европейские газеты всячески расписывали этот сенсационный эпизод.

1 ноября 1955 года, семеро наших журналистов (Изаков, Борис Полевой, А. Сафронов, Полторацкий, Аджубей, Валентин Бережков и Николай Грибачёв), выехав поездом из Сан-Франциско в Лос-Анджелос, прочли в газетах крупные заголовки: «Нина Уоррен бежала с возлюбленным в Лас Вегас». Нина Уоррен — девушка 22-х лет по прозвищу «Сластёна», младшая дочь верховного судьи Уоррена, бежала накануне из дома со своим возлюбленным Стюартом Брайеном, тридцатитрёхлетним врачом из Беверли Хиллз. В тот же день 31 октября, в 11 часов 58 минут, она, вопреки воле родителей, зарегистрировала свой брак с доктором Брайеном.

В крупной голливудской студии МГМ (Метро Голдвин Мейер) Виктор Полторацкий, Алексей Аджубей и Борис Полевой попали на съёмки нового, цветного, широкоэкранного фильма «Лебедь», нацеленного на то, чтобы стать «боевиком прима». Фильм ставил известный режиссёр Морган Худейнс, седой человек, который в молодости видел, как Эйзенштейн внимал в Голливуде один из своих фильмов. Сюжет фильма в изложении Полевого таков: «как некая симпатичная принцесса влюбляется в скромного учителя фехтования, какой это производит переполох в царствующем доме и какая чепуха из всего этого в конце кон-

цов получается. Принцессу играла, как нам сказали, «молодая звезда, недавно достигшая первой величины», Грейс Келли. На роль крамольного учителя фехтования, столь бессовестно нарушившего династические каноны, был приглашён тоже хороший французский киноартист Луи Журден».

(Из «Американских дневников» Полевого, «Октябрь», № 3 за 1956 г.)

Полевой описывает эту Грейс Келли (Grace Kelly). По его словам, незадолго до съёмок к ним незаметно подошла высокая стройная девушка, очень обаятельная, одетая необыкновенно просто, без всяких украшений, в белую блузку и тёмную юбку. «Тонкое лицо», «глаза редкой выразительности», «скромный облик»: она показалась ему непохожей на голливудскую кинозвезду. «Перед нами была именно девушка-труженица, простая и, несомненно, одарённая». Она сказала трём советским журналистам: «Нам надо чаще видеть и лучше знать друг друга, тогда мы избавимся от отчуждения и вражды». Грейс извинилась, ей нужно было подготовиться к съёмке.

Через несколько минут она появилась в розовом длинном платье. Скромная причёска её волнистых белокурых волос заменилась венцом. У неё оставалось ещё несколько минут, и она повела наших журналистов осматривать сцену действия.

Она повела нас в картонный зал замка, где, водрузив наконец на места жирных розовых амурчиков, рабочие убрали лестницы, показала размещение аппаратуры, пояснила организацию съёмок, ведущихся одновременно с разных точек, устройство аппаратов. Фотограф, следовавший за нами по пятам, всё время фиксировал эту нашу необыкновенную экскурсию, почти механически повторяя:

— Уан мор... Ещё раз...

Мы покорно застывали на минуту, потом шли дальше, соображая, что же это такое: привычная любовь артистки к рекламе, к газетному шуму, к паблисити или просто человеческая внимательность? Всё, что мы раньше читали о Голливуде, говорило в пользу первого, но спутница наша вела себя так просто, проявляла при этом такой интерес к советскому искусству, что мы всё-таки решили, что тут было второе...

В «Огоньке» А. Сафронов во 2-м номере за 1956 год поместил очерк «Голливуд открывает двери» и присоединил к нему фото из газеты «Лос-Анджелес Таймс», где все трое наших журналистов были сняты рядом с Грейс у съёмочного аппарата.

Но история продолжается. Редактор газеты «Советская Башкирия» Давыдов недавно вернулся из Франции, куда ездил в составе делегации советских журналистов. Он привёз оттуда номер журнала «Paris match», № 368, samedi (суббота), 28 апреля 1956 года, цена номера — 50 франков. Это дёшево, но зато половину бумаги занимают рекламы. На первой странице обложки — великолепное яркое цветное фото, молоденькая блондиночка в подвенечном платье, в прозрачной вуали. Это Грейс Келли. Её сенсационному браку отведена большая часть некоммерческого содержания номера, больше, чем начавшейся предвыборной кампании в США, и больше, чем визиту «В et К» в Англию.

Роману «этуали» посвящено несколько страниц интереснейших фотографий и текста. Грейс Келли обвенчалась 19 апреля 1956 года в кафедральном соборе Монако с монашеским принцем Ренье (Rainier), последним из старой итальянской фамилии Гримальди. Венчал монашеский архиепископ Mgr (т. е. Monseigneur) Barthe. «Пари матч» утверждает, что даже коронация Елизаветы Английской не привлекла столько журналистов, сколько их съехало в Монте-Карло: 2000 человек, больше половины населения городка Монако (население всего княжества — 20 с небольшим тысяч). Объединение Eurovision передавало все брачные церемонии по телевизору. В вознаграждение за долгие церемонии (неделя протокола) новобрачные отправились в свадебное плавание на корабле «Deo Juvante». Экипаж корабля построился во фронт, капитан Карузо несёт любимицу Грэйс — чёрную лохматую собачонку Оливу.

Jour de gala. Отель «Sporting». Грэйс и Ренье открыли бал, танцуя un tango tres tender: на фото американочка нежно прижимается к мужу. Рулеточный принц одевается обычно в мундир, который сам себе придумал: подражание маршальскому мундиру в армии Наполеона.

Большое фото во всю страницу: «La minute de gloire de mr. Kelly. En de l'escalier du palais de son future gendre. L'ancien macon de Philadelphie, en gibus, s'apprete a mener sa fille a l'autel.» (gibus — шапокляк, складывающийся цилиндр). Старик очень доволен. Грейс в подвенечном платье и прехорошенькая.

Под другим фото огромная надпись: «La vie lui offer son plus beau scenario» («Жизнь предлагает ей самый прекрасный свой сценарий»).

Далее:

En une semaine, elle accomplit la premiere etape: elle avait franchi l'Atlantique. Ne lui retraits plus que 150 metres a franchir, les 150 metres qui separent le palais des Grimaldi de la cathedrale Saint-Nicolas pour devenir une authentique princesse. Mais cette seconde etape, etiree par le protocole, prit aussi une semaine. Enfin, le matin du 19 avril, tandis que les cloches sonnaient a toute vollee, que les canons faisaient retentir leurs salves, en presence de Mgr Marella, venu apporter le benediction du pape, Mgr Barthe unissait devant Dieu le dernier des Grimaldi a sa fiancee. Pourtant, malgre les micros et quatre-vingts haut-parleurs, personne n'entendit Grace prononcer le «oui» sacramentel. On vit seulement ses levres remuer. L'emotion l'avait laisse sans voix.

Забавный стиль!

На другом фото Грэйс садится в Ролльс-Ройс, и огромный шлейф высоко поддерживает фрейлина или какая-то в общем дрянь того же типа

Sa premiere robe de princesse (46 metres de taffetas, 90 de tulle, 290 de valenciennes) tiendra difficilement dans la Rolls qui va la conduire a la cathedrale.

Это венчальное платье было уже заранее продано музею города Филадельфии (как-никак, принцессы в Штатах рождаются не часто).

Разворот — две страницы фотографий в соборе. Крупно:

*A la cathedrale il n'y plus de star
mais une petire catholique irlandaise.*

Дальше, новобрачные в шикарном авто, и часовой отдаёт честь: на руку его по локоть натянута белая парадная перчатка.

Dans leut Rolls deconverte, Grace et Rainier arrivent, apres un tour d'honneur hors des remparts

На другом фото какая-то женщина с высокомерным и завистливым лицом:

Une etoile au lunch de l'etoile: Ava Gardner, la solitaire, elle est restee sur la Cote pour le festival.

Следует забавное фото: толстяк в цилиндре, с острой бородкой, широко шагает на объектив в сопровождении двоих, штатского и военного; фрак, вернее, l'habit толстяка слева увешан звёздами и крестами, поверх белого жилета под сюртуком цветная орденская лента, в правой руке белые перчатки, на безымянном пальце левой кольцо. Саркастическая текстовка

Un des invites: ex-roi Farouk. A l'hotel ou il descendit, il signa sur le registre Farouk r. Le soir, on le retrouvait au casino.

Отставной египетский фараон Фарук в регистре отеля, где он остановился, расписался «Фарук король» (г. — первая буква слова гех или гоі). По вечерам его можно было встретить в игорном доме. Под другим фото, где сняты гости написано:

Farouk en tete, le ballet des gibus vient saluer la nouvelle princesse.

Там же помельче,

Tenue de rigueur pour le lunch offert dans la cour d'honneur: habit, gibus, uniformes, decorations et robes longues.

Строгое соблюдение этикета на ленче (ленч — второй завтрак, лёгкая закуска).

Фотосерия другого разворота озаглавлена крупно:

La principaute est heureuse, Rainier n'est plus seul au balcon du palais.

В общем, их язык, их стиль, смысл всех их фотографий — мещанский, сентиментальный, пошло соблазительный или слюняво-восторженный.

В середине номера большая серия цветных фотографий — кадры из фильма «Лебедь», по-французски «Сугне», который уже сделан и уже прославил Грэйс. А между знакомством Бориса Полевого с Грэйс и её браком не прошло и полугода. Здорово работают.

Много ещё интересных снимков: Грэйс на пляже, у неё длинные стройные ноги и очень прямая осанка. Грэйс в тронном зале дворца: в подписи к фотографии она названа, помнится, *apprentie de souveraine*. Другое фото, несколько смутное, сделанное, как говорится в пояснении, с помощью телеобъектива, то есть на порядочном расстоянии: Ренье и Грэйс наедине перед своими бокалами, на ней длинные белые перчатки. Оказывается, и он и она носят очки!!! Сенсационный снимок!

Словом, Грэйс и Ренье занимают большую часть номера «Paris match». В начале несколько страниц открываются тремя заголовками. Первый крупный: «Raymond Cartier cable de New-York». Помельче:

La bataille pour les elections presidentielles de novembre commence aux Etats-Unis. Contre Ike deux freres ennemis: Stevenson et Kefauver.

И наконец, две строки огромных букв, крупнее первой подписи:

EISENHOWER

SERA-T-IL BATTU?

«Будет ли Эйзенхауэр побит?» В левом верхнем углу страницы плешивая голова президента. Наклонившись, он задумчиво массирует пальцами нос, словно сморкается. Очки, плешь — в общем, забавный снимок. На следующем развороте несколько снимков Кефове-ра. На одном фото он улыбается, в очках и, если не ошибаюсь, в енотовой шапке. На другом фото он с дочкой, на третьем — с женой Нэнси и т.д.

В числе «телеграмм», т.е. кратких информаций самого разнородного характера, журнал печатает и такую:

Paris: de Gaulle.

De Gaulle a ses intimes:

«Mon retour au pouvoir? Je ne ferai rien le peuple».

A propos du communisme:

«Les Chinois sont les plus dynamiques. Les Russes sont en train de s'embourgeoiser».

Итак, мнение де Голля: китайцы более динамичны, русские начали обуржуазиваться. Какие хохмачи! Даллес тоже где-то недавно сказал, что в России идёт процесс утверждения либеральных сил; он приписал этому все перемены в нашей внутренней политике и сказал, что, возможно, в недалёком будущем Советское правительство будет отражать интересы советского народа. Но это к слову пришлось. Дальше, «Paris match».

Уже после Грэйс Келли я увидел буквы «В» и «К» (Булганин и Хрущёв). На развороте огромная надпись:

B et K

chez les gentlemen.

И мельче:

Michael Clerc vous raconte le voyage a Londres des deux Marco Polo du communisme venus proposer a l'Occident la fin de la guerre froide.

Этим людям нельзя отказать в некотором остроумии: «два Марко Поло коммунизма». Действительно, они вдвоём уже объехали полмира, от Женевы и Лондона до «бирманских джунглей» и «Китая Мао Цзе-дуна, задрапированного в свои штандарты», как говорится в статье этого Мишеля Клерка. У нас появилась хохма: «Я родился при двух знаменитых марксистах, а живу при двух знаменитых туристах». Ленин, Сталин — Хрущёв и Булганин. Наше теперешнее правительство люди меньше боятся, но больше любят.

Большое фото — чинный швейцар отеля «Клэридж» отворяет дверцу автомобиля, из которого вылезает слегка растерянный Хрущёв с пушистой лысиной, шляпа в руке.

Premier contact avec le peuple anglais: un portiere n hault de forme et en gants blancs. Krouchtchev descend de la Daimler qui l'a conduit avec Boulganine, toutes vitres fermees, de la gare Victoria a l'hotel Claridge. Toute le premier etage de l'hotel est reserve aux visiteurs russes. Par mesure de securite, les membres du personnel emigres des pays satellites avaient ete mis en corge.

На одном фото сфотографирован автомобиль, а за стеклом видны трое: Булганин, Хрущёв, а посередине молодой человек в очках, со скромной причёской, вроде моей. Подпись начинается словами «Krouchtchev Junior». Это молодой Сергей Хрущёв, сын нашего Хрущёва. Ему, кажется, лет двадцать, и он впервые путешествует за пределами России.

На другом фото: к Хрущёву и Булганину подбежали (при выходе из музея или собора) английские дети, пропущенные полицией. Булганин и Хрущёв ласково обнимают их. По этому поводу Рандольф Черчилль, сын старого пса, написал статью: «Не давайте им обнимать ваших детей!» В ней он со страстным пафосом и в грозно обличительной позе ставит перед В и К четыре вопроса. Все я не помню, но вот начало:

1) Если вы говорите, что Сталин чудовище, что мы всегда говорили, то почему вы его не убили? 2) Если вы его убили, почему вы не сделали этого раньше? Почему вы не ушли от общественной деятельности? 3) Если вы признаете свои преступления, то почему вы не отмените принудительный труд, почему не освободите порабождённые народы Восточной Европы?

и т.д.

В статье Мишеля Клерка говорится, что встречали Булганина и Хрущёва не настоящие лондонцы, а всякие малайцы, индусы, словом, подонки великого города. Коммунисты распространяли в толпе брошюру с портретами двух героев и их краткими биографиями, а «русские» выходцы — точно такую же брошюру, но иного содержания; те же портреты, но злобный пасквиль и угрозы смерти. Мишель Клерк, изображая объективность, рассказывает, что на одном плакате было написано: «Освободите Украину!» — а на другом: «Не забывайте, что бог есть любовь». Но «настоящие лондонцы» разошлись по своим клубам. Они вежливо саботировали встречу Б и К. Рандольф в своей статье так и писал, что это не ваши гости, а гости премьер-министра. Мишель Клерк пишет о холодном приёме: «Не хотели, но покорялись». В целом статья весьма желчная и скептическая, хотя лично по адресу Б и Х оскорблений немного. Я запомнил одно, что они, по мнению Мишеля Клерка, сдружились в интригах сераля. Здесь «сериаль» употреблено в смысле «двор восточного монарха». Описывается их внешность. Говорится, что Хрущёв — сын украинского шахтёра, сам начинал с простого рабочего, отсюда его прямота, «franchise rude et rustique», по словам борзописца, автора статьи. В целом довольно подлая статейка, с явной симпатией к точке зрения Рандольфа Черчилля.

В Moscow News на первой полосе было интересное фото, я вырезал. Булганин и Хрущёв вернулись в Москву в понедельник 30 апреля, на московском аэродроме Хрущёв целуется с Ворошиловым, а Булганин пожимает руку Молотову.

Добавить в заключение записи: сегодня, 28 мая (понед.), слушая последние известия по радио, я узнал, что в Баку после долгой болезни умер Самед Вургун, хороший поэт.

По радио также передавали, что все нью-йоркские газеты под огромными сенсационными заголовками республиковали выступление генерала Кертиса Лимэя, командующего стратегической авиации США. Херстовская «Дэйли миррор» дала такой заголовок: «Генерал Лимэй предупреждает — красные могут стереть с лица земли Соединённые штаты в 1959 году». Очень своевременно сделанное предупреждение: ведь после объявления о демобилизации миллиона двухсот тысяч человек из наших вооруж. сил на Уолл-стрит дважды падали акции. Надо же поддержать военный бум. Впрочем, дело не в решении о демобилизации. Вот заметка из «Правды»:

Падение курса акций на нью-йоркской бирже.

Нью-Йорк, 25 мая. (ТАСС). Пятый день подряд на бирже продолжается довольно резкое падение курса акций. В целом с 4 мая, когда началось общее понижение курса, средний курс акций 30 промышленных компаний, исчисляемый Доу-Джонсом, упал с 521,05 до 473,51, т.е. на 9 процентов. Здесь широко распространено мнение, что падение курса акций на бирже отражает наблюдающееся сокращение производства автомобилей, жилищного строительства и производства в некоторых других отраслях промышленности.

Министр обороны США Вильсон, выступая 19 мая на банкете по случаю дня вооружённых сил, признал, что вооружённые силы США в настоящее время насчитывают около 2850000 человек.

Валентин Бережков, этот красивый и мужественный парень, женат на дочери Хрущёва. О нём рассказывают скверную вещь: в МГУ он любил одну очень красивую девушку, и все студенты любовались этой парой. Но появилась дочь Хрущёва, ничем не блиставшая, и Бережков бросил свою красавицу, лёг на другой курс, покорила, женился и теперь процветает.

К истории о Евгении Дунаевском: есть тёмный и невероятный слух, что дочь Мордвинова, как установила экспертиза, была изнасилована и посажена на кол. Интересно, мальчики эти расстреляны или нет?

Купил сборник «Литературная Москва», 1956 год, прочёл новый роман Казакевича «Дом на площади», хорошие стихи Заболоцкого и дрянные рассказы заметно обедневшего Сергея Антонова. Сергей Антонов стремительно деградирует, он перестал искать.

2 июня. Суббота.

Сегодня Тито на специальном поезде пересёк советско-румынскую границу. «Правда» напечатала его портрет и биографическую справку.

Радио с утра передаёт его речи в пограничном молдавском городке и в Киеве. Среди всего этого праздничного шума незаметно проходит сообщение, что про просьбе В. М. Моло-

това он освобождён от обязанностей министра иностранных дел. Министром иностранных дел стал журналист Шепилов, бывший редактор «Правды». Известно, что Молотов был против того, чтобы наше правительство пошло в Каноссу, сиречь в Белград, в прошлом году. Отставка Молотова совпадает с приездом Тито в Москву.

После возвращения «Б и К» из Англии одно время шумно пролетело по газетам дело капитана Крэбба. Лайонель Крэбб, один из лучших водолазов Англии, изучал конструкцию корпуса крейсера «Орджоникидзе», стоявшего в Портсмуте. «Орджоникидзе» поразил английских специалистов сочетанием тяжёлого вооружения и большой скорости. Во время одного из спусков под воду водолаз Крэбб таинственным образом исчез. Его объявили пропавшим без вести, и это послужило поводом к репортёрскому расследованию и большом политическому скандалу. Последовал маленький обмен нотами. Сэр Антони Иден попал в конфузное положение. В парламенте посыпались запросы лейбористов. Сэр Антони заявил, что министры её величества ничего не знали об том «подводном шпионаже», как его квалифицирует сама английская пресса. Насчёт дисциплинарных мер, принятых к виновникам «подводного шпионажа», сэр Антони отказался отвечать под предлогом военной тайны. Предполагают, что капитан Крэбб погиб из-за неисправности кислородного аппарата. Один из лейбористов хорошо сказал в палате, что дескать, мы говорили им неприятные вещи в лицо, но мы не шарили у них в карманах, пока их шубы висели в передней. Но сейчас это уже дело прошлое, и бедняга Крэбб, подводный шпион, награждённый боевыми наградами второй мировой войны, забыт газетами

Ещё о Грэйс. Во время визита наших журналистов в Голливуд, она ответила Аджубею, что работает в Голливуде шесть лет. Снималась она в двенадцати фильмах. В кинофильме «Лебедь» она была богатой принцессой, влюблённой в бедного учителя фехтования (Луи Журдена). Родители принцессы, конечно, против этого брака. Идёт борьба между долгом и любовью. Побеждает любовь.

Многие связывали этот фильм с романтической историей в самом «благородном» семействе Европы. Голливудские дельцы заработали на сенсационном романе принцессе Маргарет, сестры Елизаветы Английской. Принцесса Маргарет долго раздумывала и всё-таки отказалась от брака с Питером Тунсендом, капитаном королевских воздушных стрелков, так как он был уже однажды женат и, если бы брак состоялся, Маргарет пришлось бы расстаться со званием принцессы. В пикну английскому царствующему дому голливудские «революционеры» сделали сентиментально-демократический фильм, пришив к реальной жизненной истории традиционный «happy end».

Валентин Морозов рассказывал, что Чарли Чаплин как-то заявил журналистам: «Я не вернусь в Америку, хотя бы президентом её стал сам Иисус Христос».

Би-Би-Си транслировало пресс-конференцию, данную Хрущёвым и Булганиным в Англию. Журналисты спросили у Хрущёва, не собирается ли они поехать в Америку. Прежде чем ответить, Хрущёв поднял свою правую руку, посмотрел на растопыренные пальцы и ко-

мическим жестом припечатал свои пальцы к столу. Это было понятно без перевода, и все присутствующие разразились взрывом громового хохота.

Тотчас после своего возвращения из Англии, Хрущёв дал указание упразднить принудительный труд, притчу во языцех всего «свободного мира».

В самом деле, трудовые лагеря уже не оправдывают себя, они мало производительны. Героическая эпоха Беломорканала, прославленная в литературе, давно прошло. Повсюду без лишнего шума, негласно, распускаются и закрываются эти лагеря: заключенных выпускают на свободу или переводят в тюрьмы, смотря по из преступлениям. Да, в нашей политике подул свежим ветром.

Уже сегодня, Тито прибыл в Москву.

Мама ездила в Магнитогорск, в командировку. Я просил её расспросить тамошних журналистов о деле Головина, которое мне рассказывал Додик Флигель. Она узнала только, что было такое дело, а прочее они забыли «дел» там очень много. Неподалёку от Магнитогорская начинается Кустанайская область — целина. На целину водку больше не возят: на почве алкоголя там происходили страшные вещи. В магазинах там нет одеколона — весь выпит. Сахара тоже нет, идёт на варенье «кислушки».

Гонят самогон. Одним словом, пьют всякие суррогаты. Страшное пьянство царит и в Магнитогорске.

8 июня. Пятница.

Недавно Лёня Гоголев рассказывал мне о своём отце. Его отец работал в НКВД. В те дни 1937 года он ездил арестовывать людей. Однажды, обходя тюрьму, он вошёл в одну камеру, и увидел, что в ней сидят три молодых человека с седыми бородами. Он спросил у них, кто они такие. Они ответили, что они смертники: три месяца назад их приговорили к смертной казни. Оказалось, что в огромной массе «дел» об этих людях просто забыли. Гоголев настоял на пересмотре их дел: всем трём дали по 15 лет.

Другой раз Гоголев арестовал и привёз одного человека, а оказалось, что на него и не было приказа, произошла ошибка, и это совсем другой человек. Начальник велел ехать за другим, настоящим. «А что делать с этим?» — «А, выбрось его!» Гоголев сказал, что нужно всё-таки извиниться, отвезти домой. «Ну, что ж, отвези», — процедил начальник.

Эти и подобные случаи либерализма Гоголева дали повод обвинить его в контрреволюции. Но Гоголев не растерялся. Его арестовали и отдали под суд, когда волна террора уже начала спадать. Он написал свыше 15 писем тем комсомольцам, которых он воспитал, будучи ещё секретарём одного башкирского райкома. Он сам взял на себя свою защиту. Его счастье, что он был судим открытым судом. Гоголев использовал на суде письма своих бывших партийных учеников. Он подверг перекрёстному допросу свидетелей обвинения и уличил их в лжесвидетельстве. Он говорил два часа свою защитительную речь. Его оправдали.

Гоголев долго ещё потом не мог устроиться на работу. Когда началась война, пошёл на фронт и погиб. Это ещё хорошая смерть.

А моего отца расстреляли. Об этом стало известно недавно. Гафан Шамгунович Назиров, мой отец, родился в 1899 году в семье крестьянина в Уральской (ныне Курганской) области, в селе Дубровка, которое по-татарски называется Магди. С раннего детства он остался калекой, т.к., оставленный без присмотра во время полевых работ, он получил сильный ожог, повредивший ему ногу. С тех пор он хромал всю жизнь, хотя мог ходить довольно быстро и хорошо плавал, это я помню (я помню, как летом 1937 года мы приехали в автомобиле на Дёму, отец плавал и звал шофёра искупаться). Во время гражданской войны отец помогал скрываться дезертирам из армии Колчака. С 1919 года отец стал членом РКП(б). Позже он учился в Москве, в ИПК («и-пэ-ка», институт красной профессуры). Вместе с ним учился тогда Фахрас Нургалиев, который сейчас вернулся с каторги, реабилитирован, восстановлен в партии и получил обратно свой орден Ленина за тем же номером, что и был (он первый в Башкирии получил орден Ленина). Нургалиев остался жив, т.к. его поздно арестовали. Но это между прочим.

Не знаю, окончил ли мой отец ИПК. В это время партия объявила призыв в политотделы (известные семнадцать тысяч политотдельцев), и отец поехал в Башкирию. В 1933 – 1935 годах отец был начальником политотдела совхоза «Лагерный»: тогда он назывался совхоз имени Быкина и числился в Кигинском районе, а ныне в Салаватском районе. Я родился в Харькове, 4 февраля 1934 г., но через 2 месяца мать уехала со мной в Башкирию. Свидетельство о моём рождении было выдано только 28 января 1935 года Мешегаровским сельсоветом Малоязовского района. После упразднения политотделов мы поселились в Уфе, и я начинаю помнить себя. Сначала мы жили в больших деревянных корпусах по улице Сталина, рядом с тем зданием, где теперь помещается пединститут и где я учусь (тогда это не было здание пединститута). Отец стал членом башкирского правительства, он возглавлял управление по делам искусств при Совнарком БАССР. Мы переехали на улицу Гоголя, 24, поблизости от этого места, где жил Мажит Гафури. Наша новая квартира была унаследована от арестованного перед этим Булашева. На этой злополучной новой квартире, 12 января 1938 года, был арестован мой отец.

12 июня. Вторник.

Сдал на «отлично» экзамен (история педагогики). Весь день идёт непрерывный дождь. Эйзенхауэр снова заболел, но уже выздоравливает (ему сделали операцию). Сегодня приехал Алик Глезер, я его не видел, т.к. весь день в институте, сдавал экзамен.

В Moscow News от 9 июня статья американского журналиста Ливингстона, я перевожу кусок из неё:

Тбилиси обладает странным очарованием, со своими экипажами, запряжёнными ослами и буйволами, и пастухами, стерегущими на холмах свой стада. Москва с Кремлём производит впечатление силы и могущества, приличествующих столице великой нации. Харькову присуща суэта и прозаичность индустриального города, а Киев имеет богатую традицию, холмистые пейзажи, просторные аллеи (spacious vistas) и культурный вид.

Но Ленинград, бывшая столица России, обладает размахом и великолепием плюс река Нева и многочисленные каналы. Невольно вы думаете о Венеции или Париже (Fleetingly, you think of Venice, or Paris). Но только сначала (But only fleetingly). Подобного этому города не существует (There's no city like it). Это Ленинград!

Конечно, я видел Эрмитаж, великий музей, которому дала начало Екатерина Великая своей частной коллекцией и который сегодня является одним из любимых имуществ (one of the prized possessions) Советского Союза. . . Здесь нужно проводить взлелеянные часы (? to spend cherished hours) — каждый день понемногу, поглощать чудесные творения — два из мировых четырнадцати Да Винчи, скульптура Микельанджело, многочисленные Тицианы, крупнейшая в мире коллекция Рембранта. Представляю испанское, французское, голландское, немецкое искусство; сокровища Петра Великого, трофеи Русских военных побед.

В Америке художественные музеи в Филадельфии, Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Сен-Луи, Сан-Франциско — в любом большом городе — имеют произведения нескольких старых мастеров. Может быть, если сокровища этих музеев собрать воедино, они смогут приблизиться, к шедевры Эрмитажа. Но любой из этих музеев — карлик в сравнении с богатствами Эрмитажа.

18 июня. Понедельник.

Сдал на пятёрку историю педагогики. Осталось ещё три экзамена. В эту сессию мне надо получить стипендию.

В «Литературной газете» от 14 июня Кристофер Мэйхью, председатель Комитета по связям с СССР при Британском совете пишет:

«Разделяет нас язык идеологии. Что означают такие слова, как “недемократичный” и “империалистический”? Советские люди применяют их с искренней убеждённой к государственному строю, какой существует в Англии. Англичане, в свою очередь, применяют их подобной же искренней убеждённой к советскому государственному строю. Язык идеологии — это язык путаницы и разногласий».

В 1955 году, пишет Мэйхью, в Англии побывало 1.035.000 туристов, в том числе 800 из Советского Союза. «Почему это так? Все условия для приёма гостей имеются, визы даются свободно. Валютный курс благоприятен. Почему же не приезжают наши советские друзья?

Англичане имеют особую причину, помимо обычных дружеских чувств, желать посещения Англии советскими людьми. У нас считают, что в Советском Союзе существует много неправильных представлений о нашей стране. Там пишут о безработице, нищете и гнёте в “капиталистической” Англии, которых на самом деле нет.

В своей речи на XX съезде КПСС, которая, кстати, получила в Англии весьма доброжелательные отклики, Микоян заявил: “Мы серьёзно отстаём в деле изучения современного этапа капитализма, не занимаемся глубоким изучением фактов и цифр, часто ограничиваемся тем, что в целях агитации выхватываем отдельные факты о признаках приближаю-

щегося кризиса, об обнищании трудящихся, но не делаем всесторонней и глубокой оценки явлений, происходящих в жизни зарубежных стран».

Многие люди в Англии поддерживают эти слова Микояна, считая, что в Советском Союзе существует немало ошибочных представлений об Англии и что истинная дружба между двумя странами возможна лишь в результате непосредственного знакомства друг с другом».

19 июня. Нет, это неверно, что трудовые лагеря вообще упраздняются. Но они подвергаются большой реорганизации. Специальные комиссии пересматривают дела всех заключённых в лагерях. Время бироновщины прошло. Выпускают людей, заключённых за критику по адресу правительства, за антиправительственную болтовню, за мещанские разговоры.

Мы выводим войска из Германии, а американцы усиливают свои войска в Германии. Аденауэр делает мелкие пакости против нас (в Бонне это называют «политикой булавочных уколов»).

В США холодная война принесла огромные прибыли капиталистам. У них ведь торпедные катера имели мебель из красного дерева. Чем дороже, тем лучше. Журнал «Нэйшн» писал в этом году: «Прошло уже десятилетие, как американский капитал женился на мисс Национальной обороне, чей добрый папаша в шляпе, усеянной звёздами, и полосатых брюках обеспечивает всё необходимое средствами из своего бездонного кошелька». Да, 1946–1956 годы.

Нам нужен мирю *The time is for us. Le temps est pour nous*. Наши brave китайцы лет через 10 станут индустриальной нацией. Мы сами лет через 10 станем первой в мире индустриальной нацией, если будем продолжать с тем же размахом (Братск, Ангара, атомные станции, единые энергосистемы, полупроводники, целинные совхозы).

В этом году, кажется, есть виды на хороший урожай. Мы спорим с Аликом Пезером о современных делах. Взгляды у нас разные, но мы не ругаемся. Он оплакивает конец сильной, великодержавной дипломатии и вообще поклоняется суровому покойнику. Тому, с усами. Я помню, он с раннего детства, во всяком случае, ещё в 9-м классе, отчаянно увлекался Наполеоном. Сила всегда ему импонировала. Сытое воспитание в обеспеченной семье привило ему снисходительный, слегка презрительный взгляд на простонародье. Он лишён малейших признаков демократизма. «Если уж подчиняться кому-нибудь, так подчиняться сильному!» — я сказал ему, что это психология раба. Он романтик деспотизма. Наполеон или Сталин. «Мне почему-то Сталин всё-таки нравится». Короче, ему нравится диктатура сильной личности, хотя он признаёт, что пятилетие перед смертью Сталина было временем самой чёрной реакции; таким образом, он допускает в своих рассуждениях непримиримое противоречие. «Ум с сердцем не в ладу». Мещанские, стилижий дух фронтёрства, романтика оппозиции. Мушкетёры его величества Людовика XIII, только не в шляпе с пером и не в *bottes molles*, а в галстуке с обезьяной и в «тракторах» (кстати, Алик носим «трактора»). Критиковать правительство можно и должно, но так, чтобы этой критикой помочь ему, а не капризно поворачиваться спиной к хорошему и злорадно хихикать по поводу плохого.

Когда мы с Аликом расходимся вечером на углу возле его дома, я обзываю его «бонапартистом», а он меня «хрущёвцем». Но мы не ссоримся. Мне кажется, что я старше него. В целом я отношусь к нашим сегодняшним вождям вполне лояльно. Правда, Хрущёв стал говорить слишком много речей, но они довольно дельные. Я считаю, что его достоинства перекрывают недостатки.

Среди стилиг распространено мнение, что устанавливается диктатура Хрущёва. Западное радио уже утверждает, что у нас начали кричать: «Да здравствует Хрущёв!»

Я помню истерические крики женщин-ораторов: «Да здравствует товарищ Сталин!» Четыре года назад, три с половиной года. Встречая у Витьки 1951 или 1952 год, мы, простодушные мальчики и девочки, пили за здоровье Сталина.

24 июня. Воскресенье.

Сдал на четвёрку политэкономии.

Вот зеркало сегодняшнего дня: покупки нашей соседки Нины Юльевны. Сначала она достала из целлофана красивые мужские перчатки, серые, оригинальной формы, гладкой кожи с тонким узором, внутри очень мягкая шерстяная ткань. Внутри на одной из них был наклеен ярлычок: «Real pigskin» — «настоящая свиная кожа». Поэтому я думаю, что это английские, а не американские перчатки. Потом Нина Юльевна принесла узкий футлярчик очень красивой расцветки, по форме сходный с футляром авторучки, но у его футлярчика была стеклянная крышка, вернее, стекло вставлено в крышку. Там лежал чудесный китайский веер с красивой жёлтой кистью; веер сделан из тончайших пластин желтого сандалового дерева, с томительно острым и непривычно прямым запахом. У матери он вызвал отвращение, у меня от этого запаха чуть не закружилась голова. «Азией пахнет,» — сказал я. На пластинки веера наклеена, не помню, очень тонкая ткань или бумага, разрисованная от руки причудливыми растениями и летающими птицами с многоцветным оперением, длинными ногами, длинными клювами и длинными шеями. Веер стоит 25 рублей, если Нина Юльевна не сочинят. Китайский веер и английские перчатки.

Кстати, Вася Сталин перелетел к Мао Цзе-дуну, который отказался его выдать. Произошёл очень резкий обмен нотами. По сути дела, ему предоставили политическое убежище. Мао Цзе-дун был очарован Сталиным. Иосиф Виссарионович умел быть обаятельным, когда хотел. Кроме того, в отношении Китая он никогда не допускал никаких ошибок. В вопросе о культе личности Мао Цзе-дун расходится с нашей сегодняшней точкой зрения.

В Москве недовольны, что наше правительство по требованию Аденауэра освободило немецких военных преступников. Один шофёр такси говорил: «Он, может, мою дочь убил, а его отпускают. . .» Суть не в том. Важнее, что наша гибкость уже граничит с бесхребётностью. Мы стараемся доказать нашим врагам, что мы хорошие, и почти заискиваем перед Аденауэром. Вот почему ушёл Молотов, сторонник большой и твёрдой политики. Вот почему Даллес кричит на весь мир, что победила политика с позиции силы. Не знаю, может быть, Б и К правы, им виднее, но факт для меня ясен: их политика отнюдь не цепь триумфа, как рисует наша печать. Эта бесхребётность естественна: после крайностей устаревшей

«великодержавной» политики Сталина трудно удержаться от крайностей противоположного свойства. Но вообще метод личных встреч глав правительств кажется мне правильным, и «туристы» здорово потрудились. Легко острить над ними, а ведь они путешествуют не ради своего удовольствия. Эти шутки порождены консерватизмом, удивлением узко мыслящих людей: ведь до «В and К» ни один большевистский руководитель не выезжал из России. Ленина просто не пустили в Геную, и правильно сделали. Троцкий совершил турне по Западу после своего изгнания из России. Сталин был только в Тегеране и Потсдаме, под охраной советских штыков. А вот «В and К» рискнули прибыть в Лондон, где какие-то белогвардейские недобитки грозили им кулаками.

Чем тебе пророк Даниил во рву львином! Нет, не шутя, для этого нужно быть преданным, идейным человеком. Пока что я хрущёвец, как говорит Алик. Я не энтузиаст, не поклонник Хрущёва, но с его политикой я солидарен. Может быть, надо немножко твёрже. . . но ведь «твёрже» уже было. Короче говоря, посмотрим. *Qui vivit verrat!* Я немного приспособленец, честно говоря. Это потому, что я мало видел, мало знаю, политикой стал интересоваться недавно, и собственное мнение у меня очень и очень зависимое.

Свободу печати у нас возрождают, и всё более успешно. Уже спасибо им, сегодняшним.

26 июня. Вторник. 21 июня был я в нашем музее им. Нестерова на открытии выставки западно-европейской гравюры XVI—начала XX века. Потом ходил ещё раз. Интересно. Прежде всего Рембрандт. Не пожалеем, привезли подлинники, но из его гравюр мне мало что запомнилось, разве «Слепой Товий», да и то потому, что он воспроизведён в лежащем на моём столе 2-м томе Алпатова. Рембрандта очень небольшие листки, сделанные мастерски, уверенной, смелой, хозяйской рукой, без лишних деталей. Рубенсовская святая Екатерина (самая мученическая мученица из всей христианской истории) представлена весёлой и жизнерадостной женщиной невероятного дородства, в развевающейся одежде, в ракурсе снизу вверх: очень толстая, очень добродушная, и очень наглая фламандская баба, пудровые груди, жирный живот, могучие ноги и ласково-самоуверенный взгляд. Гравюра Понтиуса с иордансовского «Король пьёт!» Когда-то сотни и тысячи гравюр расходились по всей Европе. Эта сделана не по эрмитажной картине: сам Иорданс написал много вариантов этих бобовых королей. Фигуры в основном те же, композиция другая. Один ребёнок мочится на руках у кормилицы, другой уже совершил, и мать или кормилица вытирает ему пелёнкой зад, тогда как шут щупает её груди. Один из пьяных блюёт, что-то опрокидывается, веселье в разгаре.

Дюрер, знаменитая подпись [воспроизводит подпись], не произвёл на меня большого впечатления. Бледновата и французская гравюра XVII в. Гравюра с «Царства Флоры» Пуссена просто плоха. Я пришёл в другой зал и прежде всего увидел Пиранези. Мне запомнились его античные руины: «Гробница Горациев и Куриациев», «Храм Посейдона в Пестуме», и особенно гравюра из серии «Темницы», образец его архитектурных фантазий: бесконечные, исчезающие в перспективе аркады, могучие циклопические стены, лестницы, решётки, блоки.

Затем был Франциско Гойя, двенадцать экспонатов, из них репродукция только автопортрет — в профиль, бакенбарды, боливар. Остальные 11 — из «Бедствий войны» (серия 1810–1820 годов). Не знаю, относится ли к этой серии гравюра «Против общего блага». На ней изображено сидящее человекообразное существо в рясе; в затылок ему вцепилась летучая мышь, так что вместо ушей из головы словно вырастают раскинутые перепончатые крылья. На лице существа — безгранично тупая важность, существо пищет; из-под рясы видны ноги существа с длинными звериными когтями. Сзади смутно темнеют беспомощные людские массы. Просто и страшно, но при чём тут война? Это напоминает скорее об инквизиции.

Знаменитая гравюра «Que valor!» — женская фигура, женщина подносит к пушке фитиль, рядом трупы. Изумительная по лаконизму выражения, эта гравюра помещена в школьный учебник истории, там где речь идёт о народной войне Испании против Наполеона.

«Y son fieras» — «они становятся свирепыми»: женщины схватились с французскими солдатами, пуская в ход пику, нож, камень.

«No quieren» — «Они не хотят». Французский солдат тащит девушку, которая вырывается и царапает ему лицо судорожно растопыренными пальцами. Француз не видит, что сбоку к нему устремляется женщина с ножом.

«De que sirve una taza?» — «Для чего служит чашка?» Женщина поит умирающего, целая грудa тел — снизу уже трупы.

«No se puede mirar» — «Невозможно смотреть». Пещера, где скрывались беглецы; свет падает справа, и оттуда же (с края рисунка) просунулись частоколом нацеленные пики. Мужчина отворачивается, другой упал на колени с униженно-молящим выражением лица, женщина в обмороке, другие в глубоком отчаянии.

«Неизвестно за что». В книге Алшатова та же гравюра называется «Не это». Повешенные и под первым трупом восседает мрачно торжествующий французский солдат.

«Madre infeliz!» — «Несчастливая мать!» Несколько человек несут труп молодой женщины с запрокинувшейся головой; следом бежит, кулаком вытирая глаза, крохотная плачущая девочка.

Это мне больше запомнилось. Гойя — изумительные гравюры, жуткая, потрясающая сила, огромный темперамент.

Большие листы Хогарта — известное «Утро новобрачных» из серии «Модный брак» и «Ночной кутёж» из серии «Карьера мота», где две проститутки, обнимая мота, обворовывают его: он пьян, и у него уже вынули часы. Две девки поругались за столом, и одна плюёт другой в лицо. На полу, на первом плане, проститутка не то одевается, не то раздевается; лежит платье и корсет.

Гравюры Милле и Добиньи.

В третьей комнатке были гравюры Домье, Гаварни и немецкой художницы Кольвиц. Её работы мне не понравились, особенно «Восстание» с его худосочной немецкой фантазией. В целом выставка интересная, во всяком случае рубля за вход не жалко.

Света Чернышёва кончила 10 «в» класс 45 школы и наконец получила аттестат зрелости (с тройками). Это было вчера, на выпускном вечере, помещение для которого школа откупила у Статистического техникума. Света была в белом платье. Волосы она, кажется, завила. Красива по-прежнему. Но чорт с ней! Не до неё.

27 июня. Вчера вечерком был я [у] Витьки. Сегодня он защищает диплом.

Когда-то ещё давно я записал слова старого романса Вертинского, посвящённого испанской певице Рабель Меллер (конечно, испанская еврейка): «Из глухих притонов Барселены. . .» и т.д. Вчера у Витьки я нашёл старую патефонную пластинку американской фирмы Columbia:

VEN Y VEN

(CANCION MEXICANA)

(Gomez and Regnier) in Spanish

RAQUEL MELLER

With Barcelona Municipal Orchestra

На другой стороне пластинки песенка Dona Mariquita. Голос хороший, мелодии красивые. «Золотые песни Барселены», как пел Александр Вертинский.

«Ваши бредят в Лондоне и Вене,

Ваши пьян Мадрид и Сан-Суси

Это ваши светлые колени

Вдохновили гений Дебюсси.

И забыв свой строгий сан латинский,

Перепутав грозные слова,

Из-за вас епископ Лотарингский

Уронил в причастье кружева».

Сейчас в последних известиях по радио (12 часов Москвы) мимоходом, сквозь зубы, проскочила важная новость: имя только что умершего кандидата в члены ЦК Лихачёва, министра автомобильной промышленности, присваивается Московскому автозаводу имени Сталина. Отныне марка ЗИС исчезает. Завод имени Лихачёва — так он будет называться.

28 июня. Четверг.

В «Правде» от 27-го числа этого месяца перепечатана очень интересная статья Генерального секретаря Национального комитета Компартии США Юджина Денниса, опубликованная в газете «Daily worker» от 18 июня 1956 года. ЮДЖИН ДЕННИС О ЗНАЧЕНИИ XX СЪЕЗДА КПСС. Я выписываю из статьи отдельные куски:

«Реакция на этот съезд и события, происшедшие после съезда за последние 4 месяца, были разнообразными. Во многих кругах, в том числе в некоторых левых кругах, есть люди, для которых откровенные заявления относительно Сталина затмили весь горизонт

и которые, видимо, временно упустили из виду политическое значение и далеко идущие последствия XX съезда в целом.

Однако появляется всё больше некоммунистических групп и отдельных лиц, которые усматривают в XX съезде и в самих откровенных заявлениях относительно Сталина совершенно новую возможность пересмотреть свои собственные взгляды, касающиеся отношений с коммунистами. В последние недели (не только в Нью-Йорке) происходило всё больше важных и стимулирующих неофициальных дискуссий между коммунистами и некоммунистическими либеральными и рабочими руководителями.

Джон Фостер Даллес и государственный департамент признают что за границей и внутри страны меняется политическая атмосфера — происходит резкий отход от атмосферы «холодной войны». Они прекрасно сознают, что всю эту тенденцию стимулировал XX съезд. Так, например, государственный департамент обеспокоен сближением между Белградом и Москвой, сокращением советских вооружённых сил, советским приглашением, посланным генералу Туайнингу, и тем фактом, что недавний опрос, проведённый институтом общественного мнения Гэллага, показывает, что большинство американцев высказывается за то, чтобы пригласить Булганина и Хрущёва посетить Америку. Государственный департамент надеется, что в результате того, что он опубликовал и использовал свою версию специального доклада Хрущёва, он сможет пресечь тенденцию к мирному сосуществованию среди американцев и «нейтралов», дезориентировать левых и вызвать разобщённость между коммунистами внутри страны и за границей.

Однако, несмотря на все усилия государственного департамента, даже некоторые консервативные деятели и многие либералы расценивают XX съезд как предвестник такого периода, когда промышленное и техническое превосходство капиталистических Соединённых Штатов должно будет встретиться на одинаковом уровне с историческим, так же как и коммунистическим, кругом специальный доклад Хрущёва расценивается как доказательство той силы и уверенности, которые позволяют сегодня Советскому Союзу порвать с некоторыми весьма вредными чертами прошлого и проложить путь к широкому распространению демократии в его внутренней жизни.

«Доклад Хрущёва о Сталине рисует трагическую картину. Какой бы потрясающей и тягостной она ни была, она составляет часть истории. Коммунисты должны иметь мужество взглянуть ей в лицо, проанализировать её и сделать соответствующие выводы.

За последние 40 лет империализм заставил понести ужасные жертвы советский народ и его руководителей, которые осмелились штурмовать высоты и построить социализм. Это было нам известно. Сейчас с запозданием мы узнаём, что героический путь к самому колоссальному и прогрессивному сдвигу в истории человечества был особенно трудным в определённый период из-за тяжких преступлений и грубых нарушений социалистической законности и этических норм.

Мы, как коммунисты, особенно хорошо понимаем и разделяем глубокое горе и потрясение советского народа. Преступления и жестокости, омрачившие последний период сталинского руководства, непростительны. К тому же они не были оправданы какой-либо исторической или политической “необходимостью”. Ничто не может оправдать применение пыток и нечестные суды; массовые высылки; провокационные и шовинистические действия, как в случае с Югославией; преследования еврейских врачей.

Социализм не мог дольше допускать, чтобы такие ужасные несправедливости остались не вскрытыми и не исправленными. Таково значение мужественных в моральном и политическом смысле мер по исправлению этих несправедливостей, которые были приняты в последние три года. Мы можем рассчитывать, что эти меры будут множиться по мере того, как исключительно откровенный доклад Хрущёва обсуждается миллионами советских граждан».

«Каким образом это новое общество, построенное в одной из самых отсталых стран, подвергли всяческому атакам и страданиям? Пережить гражданскую войну и военную интервенцию, осуществлённую сильнейшими правительствами Европы, Америки и Азии; безжалостную блокаду и вынужденный голод; экономический и политический бойкот, опустошение гитлеровскими ордами; а затем, когда раны ещё не затянулись, 10 лет жестокой холодной войны — всё это жертвы и страдания, которых требовал реакционный капитализм от тех, кто осмелился строить новый мир!

На этом мрачном фоне борьба вокруг политического курса в молодом социалистическом государстве приобрела характер борьбы не на жизнь, а на смерть. Осуществить индустриализацию или погибнуть; догнать в экономическом отношении ведущие капиталистические державы или быть уничтоженными ими — вот те условия, которые помогают объяснить, хотя и не оправдывают обстановку, в которой на протяжении определённого времени под руководством Сталина, после построения основ социализма, стали возможны те отвратительные отклонения, о которых бесстрашно рассказал Хрущёв.

В результате поразительного прогресса советского народа, Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза на протяжении этих тяжёлых и тревожных лет продолжал расти огромный престиж Сталина. СССР стал первоклассной индустриальной державой. Он ликвидировал неграмотность. Он создал не имеющую прецедента систему общественной собственности на средства производства и обеспечил полную занятость, бесплатное медицинское обслуживание, образование и социальное обеспечение для своего народа. Рабочие и крестьяне достигли такого политического, экономического и культурного положения и такого достоинства, о которых нельзя было и мечтать при царизме и которые во многих отношениях не имеют себе равных в передовых капиталистических странах. Угнетение и царский расизм уступили место национальной независимости, общественному развитию и волеизъявлению народов и наций, для которых прежняя русская империя была одной огромной тюрьмой.

В начале 30-х годов, когда, несмотря на всё внешнее давление и атаки, был построен социализм, Сталин провозгласил такую теорию и курс действий, которые подрывали новую социалистическую конституцию и обличили серьёзные нарушения, устраняемые только сейчас. Это была его теория о том, что с победой социализма отчаявшийся классовый враг будет становиться ещё более опасным, будет организовывать ещё более упорное сопротивление внутри страны и будет проникать во все звенья Советского государства, экономики страны и даже в партию и в партийное руководство.

Было бы наивно думать, что в Советском Союзе не было своих Бенедиктов Арнольдов. Но поиски «врагов народа» приобрели такие истерические масштабы, что по существу любые возражения и серьёзные расхождения во мнениях стали казаться подозрительными.

Одновременно появилась большая централизация государственной власти, стал развиваться культ героя, поклонения Сталину, в особенности во время и после второй мировой войны, нарушалось коллективное советское и партийное руководство, вводились ограничения в творческой, интеллектуальной и культурной жизни. Именно в этот период органы безопасности СССР приобрели чрезмерные и опасные полномочия и преступно нарушали Советскую Конституцию.

Каким образом оказалось возможным для столь многих коммунистов на «Западе» и для столь многих некоммунистических государственных деятелей и политических руководителей принять идею, что государственная измена и предательство приобрели такие фантастические масштабы в Советском Союзе, как это утверждалось на ряде процессов-чисток, которые состояли в 30-х годах и впоследствии.

Во-первых, это был период бурного вознесения Гитлера и его знаменитой пятой колонны, открыто выступавшей под «антикоминтерновским» знаменем.

Во-вторых, особенно мы, в Америке, в этой сильнейшей империалистической стране, всегда знали о злобных антисоветских интригах и шпионаже, вдохновлявшихся и финансировавшихся американским крупным капиталом. Более того, мы знали историю своего собственного рабочего движения, знали, что великая экономическая борьба и борьба за свободу слова прошлых десятилетий изобиловали трагическими примерами штрейк-брехерства и срывов, вызывавшихся шпионами в рабочей среде, осведомителями и провокаторами.

Ужасные явления, такие, как ложные «признания» и сфабрикованные «показания», — страшный продукт лихорадочно подозрительной и истерической атмосферы, которую использовали в своих целях Ежов, Берия и другие агенты империализма, — были выявлены лишь сейчас, после вскрытия архивов, которые сохранялись в тайне много лет.

Наподобие секретных органов разведки в нашей стране, таких, как Федеральное бюро расследований и Центральное разведывательное управление, которые обладают диктаторскими полномочиями, нарушают Конституцию и не подотчётны даже конгрессу, Берия и его соучастники, очевидно, могли совершать свои преступления против народа под видом заботы о «безопасности страны».

Всё это было не “плодом социализма”, а горьким плодом противоречий и злоупотреблений, которые чужды социализму и которые социалистическое общество не может переварить и терпеть».

«Никто не может утверждать, что в социалистических странах не могут быть снова допущены какие-то новые ошибки совершенно иного характера. Рассчитывать на непогрешимость какой-либо группы руководителей — это значит умножать основные ошибки прошлого и ничему не научиться в результате горькой ошибки, выразившейся в том, что Сталин был возведён на пьедестал полубога. Одним из основных моментов проверки политической честности и силы социализма является откровенное признание ошибок и, что самое важное, самоисправление. А деятельность последних трёх лет и нынешнее публичное раскрытие фактов, дискуссии и исправления показывают с бесспорной ясностью, что Компартия Советского Союза проводит эту проверку».

«В настоящее время мы (американские коммунисты — Р. Н.) видим, что допустили некоторые серьёзные ошибки. Основываясь на ошибочной информации, как, например, в случае разрыва с Югославией или в отношении прежнего положения в советском сельском хозяйстве, — мы некритически защищали и принимали не могущие быть оправданными и неприемлемые позиции. Мы слишком охотно и идеалистически полагали, будто великое дело построения социализма может осуществиться без серьёзных ошибок. Мы отказывались верить в любые сообщения, в которых говорилось о серьёзных несправедливостях в социалистических странах, и считали такие сообщения клеветой.

Совершенно правильно отвергая злобную клевету и антисоветские враждебные выпады крупного капитала и его агентов и всячески противодействуя этому, мы часто были нетерпимы и критическим высказываниям и мнениям многих рабочих и либеральных деятелей».

И так далее.

1 июля. Сегодня воскресенье. Мне говорили люди, которые слушаю передачи Би-Би-Си, что Пальмиро Тольятти выступил с большой речью, где выразил несогласие со многими положениями Хрущёва, данными на XX съезде. Речь Хрущёва о вредных последствиях культа личности Тольятти назвал немарксистской. Торез присоединился к мнению Тольятти. Отныне, как они считают, Москва не является образцом для коммунистических партий Запада. Мао Цзе-дун тоже не согласен с мнением Хрущёва, хотя эта линия ближе к его собственной, чем линия Сталина.

Итак, коммунистические партии после XX съезда испытали большое волнение. Поворот в Москве был сделан очень резко. Маленковский промежуток не сыграл большой роли. Даллес заявил, что никто никогда не наносил такого удара по коммунизму, как это сделал Хрущёв.

Сталин боялся собственной тени, говорят у нас в Союзе. Он был подозрителен, как все деспоты. Заговоры чудились ему на каждом шагу. Пусть не пытаются умалить его личную

ответственность. Ежов и Берия были только его подручными. Он лично подписывал списки приговорённых, и его подписью были санкционированы массовые расстрелы.

В развенчании Сталина Хрущёв безусловно прав. Пусть он не выглядит солидным, этот добрый украинский дядечка, пусть он не выдерживает сравнения с мрачной фигурой великого покойника. Не важно. Хрущёв прав. Он принёс нам свободу.

Железного занавеса сегодня действительно не существует.

Виня Торопчин, Гарри Иващенко, Коля Костин защитили дипломы. Скоро я останусь без товарищей.

5 июля. Четверг.

Сегодня я сдал последний экзамен — методику преподавания литературы. В зачётке у меня в эту сессию: «отл.», «хор.», «отл.», «хор.»

Сегодня утром приехал Ренат Еникеев.

Из нашего выпуска 1952 года умерло двое ребят. Боря Хейфец умер вскоре после 1 мая с.г. от рака или саркомы. Вовка Мурзин, сын циркового силача Александра Мурзика, окончивший артиллерийское училище, «погиб при исполнении служебных обязанностей», как говорится в официальном извещении. Вовка Мурзин работал с секретным оружием, атомным или термоядерным. Он взорвался. Двое, работавшие вместе с ним, лежат в госпитале, и к ним не допускают даже родных. Военная тайна.

2 июля «Правда» опубликовала постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Это постановление — смягчённый вариант специального доклада Хрущёва на XX съезде, который был отпечатан «не для печати». В постановлении нем интимных подробностей, нет шуток Хрущёва, нет личной неприязни: все величаво и точно, как и подобает солидному органу — Центральному Комитету Компартии Советского Союза. Кроме того, в постановлении нашла отражение колоссальная шумиха, поднявшаяся за рубежом по поводу хрущёвского доклада, ей отведено важное место. Целый кусок постановления представляет собой заимствование из статьи Юджина Денниса от 18 июня, которая в постановлении упоминается. Постановление признаёт, что в жестокой борьбе с миром империализма в нашей стране пришлось пойти на некоторые временные ограничения демократии.

«Находясь длительный период на посту генерального секретаря ЦК партии, И. В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов. Он был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор возглавил борьбу партии против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрёл большой авторитет и популярность. Однако с его именем стали неправильно связывать все наши великие победы. Успехи, достигнутые Коммунистической партией и Советской страной, восхвалялись по адресу Сталина вскружили ему голову. В этой обстановке стал постепенно складываться культ личности Сталина.

Развитию культа личности способствовали в огромной степени некоторые индивидуальные качества И. В. Сталина, на отрицательный характер которых указывал ещё В. И. Ленин. В конце 1922 года Ленин обратился с письмом к очередному съезду партии, в котором говорилось:

“Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”. В добавлении к этому письму, написанном в начале января 1923 года, В. И. Ленин снова возвращается к вопросу о некоторых нетерпимых для руководителя личных качествах Сталина. “Сталин слишком груб, — писал Ленин, — и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.”

На XIII съезде партии, проходившем вскоре после смерти В. И. Ленина, его письма были доведены до сведения делегаций. В результате обсуждения этих документов было признано целесообразным оставить Сталина на посту генсека с тем, однако, чтобы он учёл критику со стороны В. И. Ленина и сделал из неё все необходимые выводы.

Оставшись на посту генерального секретаря ЦК, Сталин первый период после смерти Владимира Ильича считался с его критическими замечаниями. Однако в дальнейшем Сталин, непомерно переоценив свои заслуги, уверовал в собственную непогрешимость. Некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточённой борьбы с классовым врагом и его агентурой, а позднее в условиях войны против немецко-фашистских захватчиков, Сталин начал возводить в норму внутрипартийной и государственной жизни, грубо попирая ленинские принципы руководства. Пленумы ЦК и съезды партии проводились нерегулярно, а потом совсем не созывались в течение многих лет. Сталин фактически оказался вне критики».

14 июля. Суббота.

6 июля я поступил временно на работу в молодёжную газету «Ленинец». Литсотрудником, но на полставки — 425 рублей. Редактором номинально считается Дашкин, но это креатура Володи Крупина, который официально является заместителем редактора.

Владимир Дмитриевич Крупин, бледный молодой человек, черноволосый в очках, с властными манерами и размахистскими движениями, вершит делами в редакции «Ленинца». С людьми он мало считается, но заслуги его велики, он прирождённый организатор. Это он превратил капустный лист под титулом «Ленинец» в популярную газету, тираж которой непрерывно увеличивается.

Я не зря сказал, что у него прирождённые организаторские способности, это у него наследственность. Володя из породы деятелей, его отец — Дмитрий Крупин — управляющий

делами ЦК партии. Володя учился в закрытой школе для кремлёвских мальчиков. Иногда (раньше, когда Володя ещё работал в «Советской Башкирии») ему звонил из Москвы Михаил Александрович Шолохов. Близко знаком Володя с Семёном Денисовичем Игнатьевым, другом Хрупина — отца и секретарём Башкирского обкома КПСС.

В эту неделю, как я поступил в редакцию, я побывал в двухдневной командировке в деревне Красный Яр (колхоз им. Фрунзе, Уфимского района) и два раза подряд дежурил, второй раз на пару с Евгением Петровичем Бирюковым. Это был «фестивальный номер», как говорили в редакции, первый четырёхполосный номер увеличенного формата. В нём на первой полосе была напечатана моя штучка, «Что такое фестиваль?» За неё я уже получил 25 рублей.

Маленькие радости в литературе: в 6-м номере «Октября» за этот год напечатана повесть Сергея Антонова «Дело было в Пенькове». Вещь второго класса, но мастерство его всё же не снизилось. Просто он соглашатель, он идёт на компромисс с действительностью. И всё же он лучше, чем Валентин Овечкин и Галина Николаева.

Я знаю, как писать, я вижу, где она, художественная правда, но в то же время сил и мастерства у меня не хватает.

В одном из последних номеров «Огонька» Нора Адамян напечатала рассказ «Сестрёнка», написанный явно по-русски. Звучит удивительно человечно, в то же время замечательный армянский колорит. Я в восторге от рассказа. По-своему это лучше Сергея Антонова. Лучшие образы — Хачик, герой рассказа, Муся подруга героини, и Акоп, отец семьи, отец Хачика и Арсена. Нужно запомнить Нору Адамян.

Давно не читал Юрия Нагибина.

Появился *новый прекрасный поэт*: Н. Заболоцкий. Стихи его меня восхитили. Давно я не читал таких стихов.

Сергей Смирнов, Смеляков, Заболоцкий нравятся мне сейчас больше всех. Ещё советовали почитать Яшина. Чудесное стихотворение полгода назад напечатал в журнале «Юность» Сергей Наровчатов:

«Валит клубами чёрный дым
Над раскалённой крышею,
Мне этот дым необходим,
Мне нужно пламя рыжее...»

Есть ещё Константин Ваншенкин. Очень интересна мрачная фигура Николая Глазкова. Кумиром Литинститута стал сейчас Евтушенко, от которого многие ожидают чудес (многие, но только не я). Посмотрим.

Моё увлечение — Заболоцкий.

15 июля. Воскресенье.

В нескольких номерах молодёжной восточногерманской газеты «Junge Welt» я наткнулся на знакомую мне историю Грэйс и Ренье, только изложенную в сатирическом тоне,

а не сентиментально-буржуазном, как в «Paris match». Я списал все эти издевательские «корреспонденции из Монако» и попытаюсь кое-что перевести. Конечно, не буквально, а вольное переложение (кроме фактов).

Итак, от 17 апреля в газете пишут [Unser Exklusiv — Reporter berichtet aus Monaco], что в этом княжестве длиной в 2 миллиона миллиметров и шириной в 750.000 миллиметров имеет место самое волнующее событие века — до слёз трогаящий брак по любви между обанкротившимся князем Ренье III и миллионершей, голливудской звездой [millionenschwere Hollywood-Star] Грэйс Келли. Заметочка названа «Er tanzte nur einmal», т.к. в ней говорится, что князь Ренье — «от самого рождения профессиональный нетанцовщик», Nichttanzler — в субботу (14 апреля) танцевал с невестой под звуки «Женщину, которую я люблю». У одного из гостей, приглашённых на свадьбу, у мистера Кея (Key) были украдены драгоценности стоимостью в 200.000 марок.

От 18 апреля. «Репетиция свадьбы», Probhochzeit. С юмором говорится о «генеральной репетиции свадьбы» в монакском соборе Сен-Шарль, при звуках органов. Rainier III, стоя в соборе, переминался с ноги на ногу (von einem Bein auf de anderen Fuss zappelte) и с чисто княжеским изяществом грыз ногти. (Он вообще очень нервозный парень, это и в Paris Match отмечалось, как дёргал свой воротник). Будущая тёща Ренье заменяла невесту, так как её дочь слишком суеверна, чтобы взойти на алтарь в виде пробы. — Скандал дня: подруга невесты Мори Пэмп (Mogee Ramp) похищена неизвестными преступниками, которые требуют за неё 40.000 марок.

Номер «Junge Welt» от 19 апреля. «Polterabend mit Salat», не понял, что такое Polterabend, что-нибудь вроде девичника. На этом «польтерабенде» Грэйс была в сером костюме и синих башмаках и сооблаговостила скушать котлету с салатом. Высокой чести удостоился главнокомандующий и шеф генерал штаба княжеской монакской армии старший фельдфебель Рейно (Reynaud), который был представлен невесте князя на «польтерабенде». Это такой же военный гений, как маршал Чан Кай-ши; он будет лично командовать двадцатикратным почётным салютом из новейшей монакской пушки (образца 1884 года). В качестве почётных гостей прибыли: Ex-König Фарук Египетский, Ex-König Пётр Югославский и директор Парижской клиники для кошек и собак. Первые свадебные подарки: 19 фарфоровых кукол, бриллиантовое ожерелье и автомобильный прожектор.

20 апреля, «Пропущенное да». Das «Ja» verpasst.

«Почтенный читатель! Ещё весь омытый слезами после душераздирающей церемонии, я сообщаю Вам: Свершилось, Грэйс Келли больше не существует! Это было так торжественно, когда Ренье III — весь в сером — вступил в тронный зал своего дворца, служащий, очевидно, монахам одновременно как бюро записи актов гражданского состояния. Его невеста Грэйс из Филадельфии прежде всего захотела закинуть одна на другую свои обвитые дымкой славы ноги (ihre ruhmumflorten Beine); но так как это княгине не подобает, она принесла своему Ренье большую жертву и уселась прилично, причём она — экстра для телерепортёров — отчаянно боролась со слезами. Затем дрожащий старец,

премьер-министр Ренье — Портанье (Portanier) — перечислил все 138 титулов Его Величества, во время чего сам Ренье спокойно поглаживал свои фюреровские усы (seinen Führer-Schnurrbart). Поэтому вероятно, он пропустил своё вступление, когда он должен был сказать Да и тем самым превратить Грэйс в Её Величество Княгиню Грацию Патрицию Гримальди Монакскую. Всего насчитывают сейчас в Монако 1140 гостей, которые частью вынуждены ночевать во дворе дворца, так как все три деревни монакской державы уже загружены до самых крыш. Завтра я сообщаю Вам о церковном бракосочетании.

Ваш Освин фон Кнолле, княжеский монакский допущенный специальный корреспондент». Ihr Oswin von Knolle, fürstlich monégassisch zugelassener Exklusiv-Reporter. К этой заметке шарж: Грэйс листает англо-французский словарь.

Последняя корреспонденция — в номере от 21/22 апреля.

Он берёт деньги только из любви

«Почтенный читатель! В соборе Святого Павла (St.-Charles-Kathedrale, а здесь St.-Pauls-Kathedrale) было пёстро и красиво, почти как при карнавальном шествии. Ренье явился переодетый наполеоновским генералом — да, ведь платье делает людей! — и испрашивал благословения церкви для оздоровления Монако при посредстве миллионов папаши Келли. Он делал это так торопливо, что от волнения уронил венчалное кольцо, которое как раз собирался надеть на милейный пальчик Грации. Затем повторилось гражданское бракосочетание (die standesamtliche Trauung), экстрa для Метро-Голдвин-Майер, которые извлекли из этого пёструю целлюлоидную грёзу (Игра слов: Trauung — Traum). И в заключение Ренье III ещё раз опроверг все сплетни, будто он сделал это только ради денег: «Я снова повторяю, что я пришёл к церкви не под дулом пистолета. Я люблю Грэйс». Всеобщее умиление достигло своего высшего пункта, и я поспешил в обратный путь, чтобы не умилиться до смерти.

Ваш Освин фон Кнолле, монакско-княжеско-допущенный эксклюзив-репортер».

В одном из этих номеров «Junge Welt» были перепечатаны юмористические рисунки из итальянской молодёжной газеты «Avanguardia». Одна карикатура мне понравилась: на заднем плане танцующая пара — фигурки невероятно кривляются, корчатся в судорожных и непристойных телодвижениях; за ними на первом плане наблюдает молодой человек с папирсой, за спиной его хулиганистая девчонка, готовясь опустить ему за воротник живую лягушку, говорит подруге: «Смотри! Сейчас он будет танцевать мамбо!» Сатира на модные танцы, и очень остроумная.

Сегодня 15 июля исполнилось 350 лет со дня рождения Рембрандта. В сегодняшнем номере «Советской Башкирии» на третьей полосе дали подвал «Великий реалист». Во-первых, лестно, во-вторых, произведёт впечатление в «Ленинце», где я сейчас работаю, а в-третьих, деньги. Мама говорит, что за подвал минимум 400 рублей.